

Вадили Левин

СОАВТОР
МОЙ КРЫЛАТЫЙ

*Вадим
Левин*

СОАВТОР
МОЙ КРЫЛАТЫЙ

*(Послесловие к ненаписанной
автобиографии на двоих)*

Харьков
«Фолио»
2012

Художник-оформитель
О. Н. Артёменко

Левин В. А.

Л36 Соавтор мой крылатый: послесловие к ненаписанной автобиографии на двоих / В. А. Левин; худож.-оформитель О. Н. Артёменко. — Харьков: Фолио, 2012. — 91 с.; илл. ISBN 978-966-03-5806-5.

Послесловие к ненаписанной автобиографии на двоих — так определил жанр своей новой книги известный детский писатель Вадим Левин. Посвящая ее памяти Ренаты Мухи, своего многолетнего (познакомились почти полвека назад!) соавтора и друга, автор легко и весело (как этого хотела бы сама Рената, уверен Левин) вспоминает эту удивительную женщину, всегда самобытную, праздничную и непредсказуемую. Талантливый поэт, педагог от Бога, блистательная рассказчица-импровизатор («выступательница», по меткому определению Игоря Губермана), внимательная и остроумная собеседница — такой знали ее друзья, такой предстает она и перед читателями. Вадим Левин щедро наполняет свою книгу стихами-миниатюрами и устными рассказами Ренаты, пишет об истории их создания, обо всем том, что будет интересно ее друзьям и почитателям таланта.

ББК 84.4УКР-РОС

ISBN 978-966-03-5806-5

© В. А. Левин, 2012
© О. Н. Артёменко, художественное оформление, 2012

*...Соавтор биографии моей
и автор нашей автобиографии.*

Ренате, 31 января 2009 г.

Мы познакомились и подружились с Ренатой Мухой почти полвека назад и вскоре стали соавторами. А через некоторое время я обнаружил себя одним из сквозных персонажей её устных рассказов. Тогда Рена исполняла их только в компаниях друзей и знакомых. Рассказывала она со вкусом и с живыми подробностями. Живыми — не только в том смысле, что они оживляли Реночкины байки и придавали им достоверность, но и в том, что эти подробности сами жили, пульсировали, размножались и непредсказуемо изменялись от одного исполнения до другого — в зависимости от аудитории, общественных событий, погоды и настроения рассказчицы. Из этих изящных эстрадных историй, которые в течение нескольких десятков лет Рената с успехом исполняла во многих странах мира — и со сцены, и по радио, и по телевидению, — складывалась шуточная автобиография на двоих, сочинённая Реной про нас.

Вот уже около двух лет Реночки нет с нами. Остановилась, не пополняется новыми подробностями наша устная автобиография. Мои заметки — это письменное послесловие к ней, это попытка ещё раз выступить дуэтом с моим другом и навсегда соавтором Ренатой Мухой.

«Об этом надо бы написать книгу...»

<Полина Лимперт:> Трудно представить, что стихи можно сочинять вдвоём. Но вы это делаете, и больше всего — с Вадимом Левиным, вашим постоянным соавтором. Как это началось и как это технически происходит?

Рената Муха: Действительно трудно — писать стихи вдвоём. Вот об этом надо бы написать книгу, и даст Бог, мы ее напишем.

Полина Лимперт. «Несерьёзные стихи для любопытного возраста»
(<http://www.peoples.ru/art/literature/poetry/contemporary/muha/>)

Этой книги мы не написали.

Мы сочиняли не только стихи. Нам нравилось вместе создавать тексты: пересказывать с английского сказки Киплинга, Полли Камерон, Беатрисы Поттер, придумывать детскую радиопередачу с «лечебными» песенками и сказками («от жадности», «от капризов»...), писать совместную статью «Стихи на уроках английского языка». В первые годы нашей дружбы я знакомил Ренату со стихами и сказками новых для неё детских писателей и осторожно редактировал ранние Реночкины стихи. А Муха читала мне в оригинале стихи из английских книг для детей (а делала она это завораживающе), потом повторяла их по-русски и поясняла, на чём строится юмор стихотворения. И я переводил или пересказывал стихи, пользуясь этим чудесным устным подстрочником.

Иногда у нас возникали совместные стихи. Когда их накопилась дюжина, Рена предложила:

— Давай напишем книгу о том, как у нас получаются общие стихотворения.

— Реночка, ну кому интересна литературная кухня не таких уж заслуженных авторов?

Этой книги не будет. Моя вина. К идее написать книгу о соавторстве Муха возвращалась несколько раз. Но до конца её жизни я не понимал, почему Реночке так хочется, чтобы мы выпустили эту книгу. Даже тогда, когда по телефону из Израиля она прочла мне стихотворную жалобу:

Мне сегодня было грустно.
Но не письменно, а устно.

Слишком поздно, уже без Рены, вспоминая, как однажды она попросила меня оценить её версию истории с пингвинами (к которой ещё вернусь), я, кажется, догадался, какая книга виделась моему соавтору. Вовсе не документальные истории о нашем сотрудничестве предлагала записывать поэтесса Рената Муха, и не научно-популярные очерки о психологии соавторства хотела писать со мной учёный-филолог Р. Г. Ткаченко. Ко мне обращалась Муха — *выступательница*^{1*}, виртуозная рассказчица, которая, как иллюзионист, буквально *на глазах у изумлённой публики* создавала «из себя» уникальные театральные представления. Реночка переживала из-за того, что её спектакли недолговечны и навсегда исчезают, когда публика покидает зал. Рена надеялась, что мы сможем *письменно воссоздать, воплотить в текстах* её головокружительные устные истории — гротескные байки, накрученные вокруг её, моих и совместных стихов и эпизодов из нашей жизни. Ведь сумела Дина Рубина сохранить для читателей несколько импровизаций Ренаты об Одессе, о соседях Рены по дому в Беэр-Шеве, о самой Дине (см., например: <http://magazines.russ.ru/ier/2009/31/ru13.html>)...

Наверно, проникнуться замыслом Рены о книге мне помешало давнее и досадное ощущение, будто Муха-рассказчик мешает раскрыться Мухе-поэту. Мы ведь с начала 1960-х часто выступали вместе, и первые сценические импровизации

* Сноски, помеченные цифрами, — в конце публикации.

Ренаты возникали у меня на глазах. Она уже тогда поражала любителей поэзии своими яркими, неожиданными, исключительно самобытными стихотворными строчками. Но в первые два-три года нашего знакомства завершённых стихотворений у неё было ровно три. Плюс штук пять весёлых двустиший, которые воспринимались как начала стихов. И вот, выходя с этим скромным репертуаром на сцену, «поэтесса Рената Муха» принималась рассказывать о происшествиях, связанных с её стихотворчеством. Импровизировала она в образе наивной сочинительницы, которая сама удивляется тому, что к ней, без всяких усилий с её стороны, откуда-то приходят стихотворные строки. При этом реальные или правдоподобные события Рената изобретательно насыщала бесчисленными остроумными невероятными, явно выдуманнами подробностями, заполняя время выступления и неизменно увлекая аудиторию — и детскую, и взрослую, и смешанную. Обладая таким талантом рассказчицы, удивительная Рената Муха для своих поэтических выступлений не слишком нуждалась в... собственных стихах! Это меня всерьёз огорчало, и я пользовался каждым удобным случаем, чтобы подзадорить Муху и настроить её на стихотворчество.

Однажды я пригласил Ренату на юбилей детской литературной студии, которую вёл в областном Дворце пионеров и школьников. Рена привела с собой англичанку мисс Энн Нэпп, свободно говорившую по-русски. Прочитав собравшимся все три стихотворения Ренаты, я объявил, что автор среди нас:

— Попросим поэтессу Ренату Муху почитать новые стихи!

Рену встретили аплодисментами. Но читать-то ей было больше нечего. Я ожидал, что она признается в этом, а я скажу что-нибудь вроде: «Нечего лениться, Рената Григорьевна! Сегодня мы вас прощаем, но обещайте нам, пожалуйста, что на следующую встречу вы придёте с новыми стихами».

Не тут-то было! Ничуть не смутившись, Рената Григорьевна объявила:

— Мои стихи на русском языке вы сейчас слышали. Поэтому я их читать не буду. А так как я преподаватель английского языка, то вместо этого проведу с вами урок...

Пауза.

— ...английского языка! — подсказала аудитория.

— А вот и нет! Урок русско-английского языка. Но так как у вас праздник литературной студии, то урок я проведу с помощью стихотворения. Это русско-английское стихотворение, которое сочинил мой друг и коллега Ефим Исаакович Бейдер.

Жил-был однажды в квартире со мной
Английский мальчик — an English boy.
И в той же квартире...

Пауза.

...in our flat —

Жил кот, по-английски он звался...

Пауза, а затем дружный и радостный выкрик аудитории:

...cat!

Рената:

...a cat.

Он был очень жирный, he was very fat.

Он был очень рыжий...

Аудитория хором:

...he was very red.

Рената:

И вот этот кот, по-английски...

Хор:

...a cat!

Рената, пародируя интонацию учительницы:

...the cat,

Однажды у мальчика скушал обед.
Он съел его dinner, он съел his...

Хор:

...обед,

Рената:

И лёг на кровать его, лёг on his... (хор:) bed.
И вот возвратился из школы домой
Английский мальчик... (хор:) an English boy.
Он крикнул с порога: «Hello» — привет!
И тут же спросил меня: «Where is my cat?»
«And where is my dinner?» А где мой обед?
Я грустно ответил (пауза):
«It is in the cat»...

Естественно, этот якобы урок закончился овациями. Но тут на сцену вышла мисс Энн Нэпп и на хорошем русском сообщила:

— Западный мир сейчас переживает литературную сенсацию. В течение многих лет все зачитывались детскими романами, автора которых никто не знал: он скрывался под псевдонимом. Недавно этот человек умер, а псевдоним так и не раскрыт... Я никогда не думала, что, приехав в СССР, встречу с обратной ситуацией: автор широко известен, а произведений нет.

Громче всех этой шутке радовалась Рената. Эпизод с английской гостьей она стала включать в свои устные рассказы, которые исполняла не только со сцены, но и в компаниях, и даже персонально для отдельных слушателей.

Репутацию остроумной рассказчицы и собеседницы Муха приобрела задолго до того, как сочинила первые стихи. Уже тогда в её репертуаре были истории о тёте Иде из Одессы (их-то,

к счастью, и сохранила для читателей Дина Рубина), о Ефиме Бейдере, о следователе-кагебисте Критерии Александровиче и много других. С тех давних времён мне запомнилась миниатюра Мухи о Я. М. Гордоне, человеке остроумном, но неудержимо разговорчивом. Рена рассказывала её примерно так:

Однажды я спешила на телевидение, но по пути решила забежать к Якову Михайловичу, который давно приготовил для меня какую-то нужную мне книгу. Я взбежала по лестнице, позвонила в дверь и не переводя дыхание выпалила, что опаздываю на свою передачу, а потому не буду проходить в комнату. Гордон сходил за книжкой, но по дороге вспомнил несколько анекдотов, которые тут же стал рассказывать. Он был намного старше меня, прерывать его было неловко. Я ждала и молилась про себя: «Хоть бы он на секунду закрыл рот! Хоть бы он на секунду закрыл рот!» И когда он сделал паузу, я выкрикнула: «Извините, я опаздываю. Закройте, пожалуйста, за мной...» — и помчалась вниз. Пробежав два этажа, я услышала за собой крик Гордона: «А-а-а-а!»

И только выбегая из подъезда, сообразила, что попросила Якова Михайловича: «Закройте, пожалуйста, за мной рот!»

Муха была остра на язык и ценила остроумие других. Реночка, например, рассказывала мне (и несколько раз при мне) о том, как в доме знакомых ей представили вернувшегося из заключения литературоведа Льва Яковлевича Лившица. Рена, естественно, произнесла своё восторженное «о-о-О!» и тут же услышала от Л. Я. отрезвляющий афоризм:

— Деточка, не каждый, кто сидел, — хороший человек!

Выражение «за словом в карман не лезет» совершенно к Реночке не подходило. Её неожиданные ответы возникали, казалось, ещё до того, как заканчивалась фраза, на которую Муха отвечала. Как будто любой собеседник подыгрывал Ре-

нате, подавая реплики, позволяющие Рене парировать их заранее придуманной остротой.

Журналистка Полина Капшеева (Лиора Ган) рассказывает (см.: <http://t-samoylova.livejournal.com/101160.html#cutid1>):

Началось с телефонного разговора. Несколько бывших харьковчан, не сговариваясь, настоятельно рекомендовали мне побеседовать с их землячкой, поэтом Ренатой Мухой, недавно переехавшей в Израиль. Звоню Ренате — и буквально после первых фраз восклицаю: «Я вас уже люблю!» Реакция моментальная: «Любите — женитесь. Во всяком случае, давай на “ты”». Мы сговариваемся, что Рената приедет автобусом из Беэр-Шевы ко мне в Раанану, прямо с автобусной остановки позвонит, я выйду навстречу. Жду звонка примерно к десяти утра, но раздаётся он только в половине двенадцатого. «Рената, где ты? Я ужасно волнуюсь...» — «Совершенно напрасно. Я полтора часа гуляю по Раанане. Дело в том, что утром меня неудачно постригли, и я ждала, пока волосы отрастут. Отросли». — «Я выбегаю. Умоляю: стой на месте, никуда не девайся!» — «Как получится...»

Наталья Рапопорт, профессор Университета штата Юта, вспоминает (см.: <http://7iskusstv.com/2010/Nomer9/Rapoport1.php>):

В середине девяностых я стала свидетельницей её феноменального успеха как рассказчицы: на битком набитом стадионе в американском городке Прово Рената держала аудиторию минут двадцать байками на английском языке — никто не шелохнулся, разве что иногда стадион взрывался хохотом, пугая окрестных птиц...

...А состоялось наше знакомство примерно так. Телефонный звонок:

— Наташа? С вами говорит Рената Муха. У меня для вас письмо от Толи Вишневого и подарок от Серёжи Никитина. Как мне их вам передать?

— Рената, где вы?

— Я в Прово, на фестивале чтецов, это недалеко от вас.

— Сорок пять миль. Я сейчас подъеду, объясните только, как вас найти.

— Нет, подъезжать не надо, меня сейчас к вам привезут, у меня есть ваш адрес.

— Чудесно!

— Но тогда мне придётся у вас переночевать.

— Нет проблем!

— Недели две.

— Нет проблем!

— То есть как это нет проблем?! Проблемы у вас, конечно, будут, но только с обедом и ужином — за завтраком я ем сравнительно мало.

Так в наш дом и в наши сердца залетела Рената Муха.

Дина Рубина в книге «Больно только когда смеюсь» пишет об одной из поздних баек Ренаты:

...это убийственно точный по интонации, хотя и придуманный от начала до конца устный рассказ. С выкриками, вздохами, жестами, комментариями в сторону (http://bookz.ru/authors/rubina-dina/bol_no-t_376/page-16-bol_no-t_376.html).

И там же:

...основной приём творчества Ренаты Мухи — касается ли дело «полномасштабного» стихотворения или какого-нибудь двустушия (от которого невозможно месяцами отделаться!), — заключается, условно говоря, в трюке.

В неожиданном повороте темы, эмоциональном сдвиге, словом, таком «повороте сюжета» — когда в конце второй строки на вас словно нахлобучивают шутовской колпак по самые уши, — что обескураженный читатель долго осматривается по сторонам, пытаясь понять — что с ним сотворили...

И ещё:

Рената была убийственно эстрадным человеком. Рената была мастером и гением устного рассказа! Когда Рената выступала, зал сидел просто как стадо кроликов, слушая её и не отводя глаз.

Это Дина Рубина сказала 27.12.2009 по радио «Эхо Москвы» в передаче «Непрошедшее время», посвященной памяти Ренаты Мухи (<http://www.echo.msk.ru/programs/time/644294-echo/>).

На трюках построены не только многие стихи Мухи, трюками были до невозможности насыщены её устные «документально-фантастические» истории, которые, как это ни горько, так и ушли из нашей жизни вместе с Ренатой.

В мае 2001 года мы встретились в Москве после пяти лет, которые прожили в разных странах. Перед выступлением в Доме детской книги Рена прочитала мне много новых стихотворений — хороших и даже превосходных. Однако со сцены, как в прежние времена, принялась рассказывать байки — в том числе старые, впрочем, обогатившиеся новыми, никогда не случавшимися, но неотразимо смешными деталями. Пресса сообщала об этом так: «В Дом детской книги прилетели Муха и Левин» (http://www.gramota.ru/lenta/news/8_122). И дальше: «На заседании клуба Вадим Левин, в основном, читал стихи, а Рената Муха выступала в излюбленном ею жанре — «рассказывание историй» (к такому жанру можно отнести, например, рассказы Ираклия Андронникова). Оба выступления вызвали искренний восторг аудитории, состоящей из писателей, издателей, литературоведов, журналистов, и были удостоены бурных аплодисментов».

После встречи я потихоньку упрекнул Ренату:

— Зачем ты расходуешь время выступления на байки вместо того, чтобы читать хорошие стихи?

Рена ответила:

— Но внутри историй стихи воспринимаются ещё лучше.

Бесспорно, Рена была права: её стихи, вставленные внутрь документально-фантастических историй, приобретали дополнительные подтексты и звучали ещё острее и внезапнее. И всё-таки главное, что побуждало поэтессу во время выступлений окружать стихи (как картины рамкой) весёлыми «спектаклями из своей жизни», заключалось, я думаю, в самой потребности Ренаты появляться на сцене «в образе» и импровизировать — неожиданно для слушателей и себя самой. Это творчество было для Реночки не менее увлекательным, чем сочинение стихов. Я уверен, Муха осознавала, что как «выступательница» она неповторима.

Изящные «малостишия» Мухи хороши и сами по себе, без эстрадной приправы:

— Едят ли дятлы червяков? —
спросил червяк.
И был таков.

Или:

Живёт на свете Колбаса Варёная,
Сама собой неудовлетворённая.

Или:

Чуть-чуть похудеть захотелось Скелету,
И он ради этого сел на диету.

Или:

Когда вам гадит Троглодит,
Ведь что-то им руководит?

Или:

На вершине два Орла
Пили прямо из горла.

Или:

Потомки бывают умнее, чем предки,
Но случаи эти сравнительно редки.

У каждой пары строк Ренаты Мухи — свой сюрприз, своя игра, своя шутка. Но особая сила этих праздничных стихов в том, что они тёплые, светлые, добрые. Даже те, которые о скелетах или троглодитах. И тот, кто это почувствует, согласится с Игорем Губерманом: «После таких стихов невозможно вырасти полностью плохим человеком».

Мухины двестишестидесяти прекрасно смотрятся в одном ряду с миниатюрами старших мастеров.

Борис Заходер «Гносеология»:

— Что мы знаем о лисе?

— НИЧЕГО!

(И то — не все!..)

Валентин Берестов «Дух и тело»:

Как быстро юность пролетела!

И дух уже сильнее тела.

Поэтому не только импровизированные рассказы Ренаты придавали её стихам новое звучание, но стихи были украшением её неповторимых баек. Вообще, разнообразные таланты Ренаты Мухи усиливали и оттеняли друг друга. Но нередко и конкурировали между собой. В Рене жила актриса. (Однажды она рассказала мне, что на какой-то научной конференции или на защите диссертации она, неожиданно для себя, стала читать заданные ей вопросы, держа записки в вытянутой руке и глядя поверх очков: ей показалось, что в той ситуации надлежит выглядеть дальнорезкой.) Подозреваю, что не только на публике, но и наедине с собой она оставалась играющим режиссёром-постановщиком. Поэтому на сцене, как мне кажется, актриса, выступательница обычно побеждала в ней поэта. При этом цепкий, быстрый и острый ум в сочетании с чувством слова и стиля начисто исключали из её поведения даже намёк на банальность. Она была всегда самобытна и празднична — и как женщина, и как педагог, и как учёный-филолог, и как поэт. В её

лучших стихах обыденные фразы и интонации непредсказуемо (и парадоксальным образом — естественно, несуетно!) объединялись с необычными рифмами и начинали играть. И все окружающие и всё окружающее послушно и с удовольствием включалось в игры Ренаты: играли слова, вещи, звери, люди — родные, знакомые и незнакомые. Играла и сама Рена, и её слушатели:

Жил человек полнеющий,
А так вообще — вполне ещё.

Вчера Крокодил улыбнулся так злобно,
Что мне до сих пор за него неудобно.

Жил человек с бородой и усами.
А остальное придумайте сами.

Именно на сцене Рената была счастлива — осчастливливая нас, слушателей-зрителей.

Обидно и непоправимо: не написать мне без Рены ту книгу, которая виделась ей, не воспроизвести на бумаге устные фантазии Ренаты Мухи. Могу рассказать только о том, что помню о Реночке и о нас и, в частности, о том, как мы писали вместе. Пускай это будет послесловием к книге, которую мы не написали. Думаю, тем, кто слушал Муху или ещё услышит-увидит редкие сохранившиеся видеозаписи её выступлений, будет интересно узнать о Ренате, о нашей дружбе и о реальных событиях и ситуациях, из которых возникали неоспоримо убедительные выдуманнные истории блестящей выступательницы Ренаты Мухи.

Счастливые калоши (начало лошадиной истории)

Тут сработала своего рода «цепная реакция». В начале 60-х в Харькове с шумом прошли встречи с Евгением Евтушенко. Они произвели неизгладимое впечатление на молоденького инженера Вадима Левина. Он вдруг тоже стал сочинять стихи, а потом, уже будучи женатым, имея дочь, — очертя голову бросил свою инженерию и весь отдался поэтическому творчеству... Не знаю точно, когда он познакомился с Мухой, но...

Феликс Рахлин. «Лучистая и вечная девочка»
([http://www.trediakovsky.ru/
content/view/70/33/1/2/](http://www.trediakovsky.ru/content/view/70/33/1/2/))

Случилось это в 1961 году. Нас познакомили стихи и калоши. Познакомили, а потом и подружили. И навсегда переплели наши судьбы — да так, что даже тень чёрной кошки не смела пробежать между нами. И ни разу не пробегала.

И не пробежит уже...

В начале 60-х в Харькове поэзией увлекались, кажется, все. Я руководил городской детской литературной студией, писал для детей, печатался в местных газетах и московских журналах, возглавлял секцию детской литературы в харьковском отделении Союза писателей (хотя членом СП тогда не был) и считал себя ответственным за развитие литературы для детей в Харькове. А потому искал новых авторов. Однажды кто-то принёс мне забавные стихи об осе, которые бродили по городу. Начинались они так:

Бывают в мире чудеса —
Ужа ужалила Оса.

Вскоре выяснилось, что автор стихов об осе носит фамилию Муха и работает в университете на кафедре английской

филологии под именем Рената Григорьевна. С третьей или четвёртой попытки я застал Р. Г. на кафедре и попросил почитать другие стихи. И тут эта молодая симпатичная интеллигентная женщина повела себя странно: она наотрез отказалась читать что-либо своё. Отказалась под предлогом, будто кроме «Осы» ничего не написала.

Я попрощался. И вдруг вдогонку мне Рената произнесла:
— Ну, вот есть ещё две строчки, но они с ошибкой:

Жили в одном коридоре галоши —
правый дырявый, а левый хороший.

К калошам — любимому блюду крокодилов — я был равнодушен с детства, с «Телефона» Корнея Чуковского. Помню, что ребёнком даже представлял себе, как бы я жевал их, если бы стал крокодилком — калоши настоящие, красивые, блестящие, как те, которые мама купила Лёше из песенки на стихи Агнии Барто. Наверно, поэтому калоши попали в моё первое лирическое стихотворение, сочинённое в студенческие годы:

Апрель щебечет в синеве.
А под берёзой старой
Лежит калоша на траве —
забытая,
без пары.

И я один.
Вокруг весна,
и день такой хороший.

А где-то есть ещё одна
непарная калоша.

У необычного университетского педагога оказалась общая со мной привязанность!

Так неисправные калоши оказались счастливыми: они остановили меня на пороге и не позволили уйти от будущего дру-

га и соавтора. Я пообещал Ренате Григорьевне, что попробую устранить ошибку.

С тех пор «неисправимые калоши» Ренаты Мухи прошли огромный путь от Харькова до Безр-Шевы, побывав и в Москве, и в Западной Европе, и в Северной Америке. Раз от раза совершенствуя историю об упрямых калошах, познакомивших нас когда-то, Муха включала её в свои выступления и многочисленные интервью. Рена рассказывала, что отдавала калоши в починку телережиссёру и сценаристу Самарию Зеликину, литератору Нине Воронель, математику Владимиру Ильичу Гурарию и многим другим. В одном из вариантов этой истории Муха вспоминала, что Ефим Бейдер, друг и сослуживец Реночки, отремонтировал калоши так (Рената Муха «Что ты здесь делаешь?». — «Иерусалимский журнал», 2009, № 31; <http://magazines.russ.ru/ier/2009/31/mu19.html>):

Жили в одном коридоре калоши,
левый — дырявый, а правый — хороший.
Им бы гулять по дождливой погоде,
если стояли бы в правильном роде.

Я попытался починить калоши, подарив их лошади. В моей записной книжке 1963 года сохранилась запись:

Пришли подруги к лошади,
Преподнесли калоши ей:
Две правые — дырявые,
Две левые — хорошие.

Спустя пять лет лошадь (моя ли, другая ли — неизвестно) воспользовалась этим подарком в книге «Переполох», о которой речь впереди.

Через несколько десятилетий (кажется, в 2008 году) к так и не исправившейся паре из одного коридора приложил руку и Евгений Евтушенко. Рассказывая о Ренате Мухе в своей ан-

тологии «Строфы века», поэт заметил (см., например, здесь: <http://www.newizv.ru/news/2008-05-30/90942/>):

Ошибки, между прочим, легко было исправить. Примерно так:

*Жили в одном коридоре Калоши и я.
Правая — дырявая и левая — хорошая.*

Но, может, с ошибками забавней?

Думаю, Евтушенко прав — с ошибками забавней. Особенно — с Мухиными историями об ошибочных стихах.

«Убери с лошади мою фамилию!» (продолжение лошадиной истории)

...Учеников младших классов приводили в городскую литературную студию, где вёл занятия... Вадим Левин, автор... «Глупой Лошади», которую мы с сыном к тому времени уже знали наизусть. Там мы и встретились с Ренатой Мухой, которая была другом и соавтором Вадима Левина. Уже в Израиле на своих выступлениях Рената с присущим ей юмором и самоиронией рассказывала про две «неправильные» строчки, написанные когда-то ею, положившие начало их творческому союзу.

*Жили в одном коридоре Калоши.
Правый — дырявый и левый — хороший.*

Они и стали затем «прообразом» тех калош, с которыми возникли впоследствии серьёзные проблемы у «глупой лошади», они даже удвоились, так как «Лошадь купила четыре калоши — пару хороших и пару поплоше».

Изабелла Слуцкая. «Пишу до востребования»
(<http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=2605>)

Мне так и не удалось достойно исправить двустипшие с калошами, но упорная «домашняя работа над ошибками» Ренаты, во-первых, помогла нам с ней быстро перейти на «ты». А во-вторых, через какое-то время подсказала мне образ, возникший по созвучию со словом «калоши», — Глупую Лошадь, которая купила две пары калош и носит поношенные, а хорошие жалеет. Эта чудаковатая и наивная, но с виду чрезвычайно серьёзная дама показалась мне похожей на английских леди из лимериков Эдварда Лира. Поэтому чуть погодя я включил «Глупую Лошадь» в цикл до-подлинных переводов с английского (т. е. переводов, сочинённых мною до того, как англичане написали свои подлинники). Но сначала стихотворение

было опубликовано в одной из харьковских газет под двумя именами — Ренаты Мухи и Вадима Левина: мне хотелось, чтобы Рена поскорее поверила в свои поэтические способности. Однако непредсказуемая Муха, увидев два имени над стихами, расстроилась и категорически воспротивилась:

— Это бессовестный антиплагиат! Пожалуйста, убери с лошади мою фамилию. И больше не зачисляй меня в соавторы, когда будешь упоминать в стихах калоши или слова, которые рифмуются с калошами!

И я согласился с Реной.

Много позже выяснилось, что Рената всё-таки порадовалась в душе, увидев своё имя над опубликованными стихами. Наталья Рапопорт пишет в своих воспоминаниях (см.: <http://7iskusstv.com/2010/Nomer9/Rapoport1.php>): «Рената рассказывала..., как она гордилась и смущалась, когда впервые на опубликованных стихах увидела две фамилии: Вадим Левин, Рената Муха».

Рена не любила оставаться в долгу, и я признателен ей за то, что со сцены, по радио и телевидению Муха часто с благодарностью называла моё имя, исполняя свою историю о неисправимых калошах и моей лошади, родившейся при попытке исправить грамматическую ошибку. Этот сюжет Реночка украсила смешно придуманными деталями и рассказывала чаще, чем я читал свою «Глупую Лошадь». Результат такого выражения благодарности оказался парадоксальным: Мухины калоши совершенно воссоединились с моей лошадью. Воссоединились настолько, что все лошади вокруг Рены стали казаться рождёнными в калошах, а лошади без калош выглядели странно и неприлично. Один из самых близких Реночке людей даже полушутя посетовал однажды на то, что в стихотворении Ренаты Мухи о Белой Лошади и Чёрной Лошади «её собственные лошади оказались совсем без калош» (<http://magazines.russ.ru/ier/2009/31/tk18.html>).

Более того, похоже, что сама «Глупая Лошадь» стала восприниматься как стихотворение моего соавтора. Так, 28 августа 2009 года на сайте «Общество памяти Ренаты Мухи» среди песен на стихи Ренаты помещена и «Глупая Лошадь» (http://community.livejournal.com/renata_muha/). А некролог, извещающий об уходе Ренаты, назван: «Никто не расскажет больше детям “Про Глупую Лошадь”» (<http://www.internovosti.ru/text/?id=20213>).

Подобные недоразумения случались и при жизни Рены: стихи, которые мы сочинили вдвоём, приписывали ей одной. Это каждый раз огорчало Муху, но никогда не омрачало нашей дружбы. В декабре 1999 года на одной из подаренных Реночке книг я написал:

Наше содружество свято,
нет безусловней оплота,
верный соавтор — Рената,
Муха большого полёта.

Мы соавторствовали и дружили даже тогда, когда жили в разных странах. И сейчас, если приходят строчки, которые кажутся мне удачными, думаю: «Муха порадовалась бы...»

— Знаешь ли ты, что твоя лошадь вышла в люди?

Эту Реночкину фразу помню с 1967 года. Муха одна из первых обнаружила на 16-й полосе «Литературной газеты» подборку «новейших старинных английских баллад и сказок» и позвонила мне, чтобы сообщить об этом и поздравить. В той подборке была и «Глупая Лошадь»:

Лошадь купила четыре калоши —
пару хороших и пару поплоше.

Если денёк выдаётся погожий,
лошадь гуляет в калошах хороших.

Сто́ит просы́паться первой пороше —
лошадь выходит в калошах поплоше.

Если же лужи по улице сплошь,
лошадь гуляет совсем без калош.

Что же ты, лошадь, жалеешь калоши?
Разве здоровье тебе не дороже?

Позже, когда Западно-Сибирское книжное издательство решило выпустить мои псевдоанглийские стихи отдельным сборником, я назвал книжку по этому стихотворению. С замечательными иллюстрациями Спартака Калачёва книга «Глупая Лошадь» была издана в Новосибирске в 1969 году. Рена сразу взяла её на вооружение: на практических занятиях читала книгу со студентками, во время своих выступлений рассказывала историю неправильных галош, которые стали косвенными виновниками рождения «Глупой Лошади». А так как Рената часто общалась с иностранными филологами, приехавшими в Харьковский университет по культурному обмену и неизменно знакомившимися с доцентом Р. Г. Ткаченко, то в репертуаре у Мухи появилась специальная международная шутка. Реночка показывала «Лошадь» зарубежным знакомым, которые владели русским, и с невинным видом спрашивала:

— Вы не знаете, где опубликованы английские подлинники этих стихов?

И каждый раз радовалась ответу и рассказывала о нём мне и друзьям. А иностранцы всегда отвечали одно и то же:

— Я точно помню, что читал/читала эти стихи на английском, но не могу вспомнить где.

Когда Ренату пригласили в Англию, она захватила с собой «Глупую Лошадь». В книге есть история о профессоре Джоне Фуле, который спешил в Карлайл из Гулля и в речке Уз увидел коллегу Клайда Буля. Оба учёных — выдуманные персонажи, но Муха нашла место встречи вымышленных профессоров, обозначенное в стихах, и сфотографировалась там. Сохранились снимки: Рената стоит на мосту через речку Уз и держит

в руках книгу, раскрытую на развороте, где Спартак Калачёв, который никогда не бывал в Англии, изобразил этот мост и берега речки Уз с точностью — почти фотографической!

Ещё на одном снимке Муха сфотографирована рядом со зданием, на котором написано (по-английски, разумеется) «д-р Рената Ткаченко». Этот учебный корпус имени Ренаты был торжественно открыт в каком-то престижном колледже (названия его я, к сожалению, не запомнил) в дни, когда Рена гостила в Англии.

Из впечатлений, которыми Рена делилась, вернувшись из Великобритании в Харьков, мне запомнился эпизод с английскими первоклассниками. Рената сказала малышам, что хочет лучше с ними познакомиться, чтобы рассказать о них детям в России.

— Любите ли вы мороженое? — спросила Рената (по-английски, разумеется).

— Любим! — ответили английские малыши.

— И в России дети любят мороженое. А любите ли вы конфеты?

— Любим!

— И в России дети любят конфеты. А шоколад вы любите?

— Любим!

— И в России дети любят шоколад. А теперь спрашивайте вы.

— Любят ли дети в России джем?

— Да, дети в России любят варенье!

— А мёд?

— И мёд тоже.

— А любят ли дети в России сириэлс?

— Что такое «сириэлс»? — спросила Рената, потому что тогда ещё не слышала о такой еде.

— Вы никогда не ели сириэлс? — удивились маленькие англичане. — И русские дети не ели сириэлс?

Маленькие леди и джентльмены очень расстроились и стали объяснять, что «сириэлс» (cereals) — сладкие овсяные, пшеничные, рисовые хлопья — это любимое блюдо английских детей.

Через неделю Реночка снова пришла в этот класс, чтобы провести заключительный урок и попрощаться со знакомыми детьми. Малыши входили в классную комнату странно: каждый как будто что-то прятал под рубашкой или блузкой. В конце урока, как рассказывала Реночка, они по очереди подходили к столу и выкладывали картонные коробки с cereals — для русских детей!

Ещё одна английская история началась в Харькове, а завершилась в Киеве. Связана она с Синтией Карлайль, англичанкой. Синтия приехала в Харьков по культурному обмену и вскоре познакомилась с Реночкой. Они вдвоём ходили по урокам английского языка в разных харьковских школах, собрали богатый материал и вместе написали методическое пособие, которое, как мне помнится, называлась «Сто типичных ошибок учителя английского языка на уроке английского языка». Пособие отправили в столицу Украины, в республиканский методический кабинет. Ответа не последовало. Когда Рената попала в Киев, она зашла в методический кабинет и спросила министерского чиновника, будет ли издана пособие «Сто типичных ошибок...» Чиновник долго хвалил рукопись, а завершил ответ так:

— Но печатать не будем. Это не наш, не советский, английский язык.

«Бывают в жизни чудеса»

...Реночка и мне (почему-то со смущённой улыбкой, как бы немного стесняясь) прочла один из первых своих опытов — кажется, «Ужа ужалила оса...». Конечно, мне стихи понравились, но то, что на моих глазах родился новый незаурядный поэт, мне и в голову не пришло.

Феликс Рахлин. «Лучистая и вечная девочка»
([http://www.trediakovsky.ru/
content/view/70/33/1/2/](http://www.trediakovsky.ru/content/view/70/33/1/2/))

«Рената Муха — мастер стихотворной строки. Иногда — даже двух».

Так начиналась моё представление Ренаты Мухи читателям знаменитой тогда юмористической «Шестнадцатой полосы» «Литературной газеты». Далее в предисловии к стихам Мухи сообщалось, помнится, что администрации Клуба «12 стульев» этой газеты надеется на то, что талантливая поэтесса вскоре освоит третью, четвертую, пятую и т. д. стихотворные строки. Моё ироническое предисловие оказалось пророческим — со временем Рената стала писать и многострочные стихи. А вот «Литгазеты» с этой публикацией Мухи и с моим напутствием я, сколько ни искал, так и не нашёл. Может, она сохранилась в архиве Ренаты. А может, это была не «Литературная газета», а какая-то другая...

Но то, что Рената Муха сразу начала сочинять необычно и ярко, помню совершенно отчётливо. И отлично помню, что часто прекрасные по интонации двустушия оставались только фрагментами, началами стихов:

Жил на свете муравей —
без ресниц и без бровей.

— Здорово! — радовался я. — А дальше?

Но вместо «дальше» следовало новое двустушие:

Как-то шпиц спросил у шпица:
— На каком глазу ресница?

— А дальше что?

— А дальше думай ты, — без тени сомнения требовала Муха.

И я думал. Я даже предлагал думать своим студийцам. К тому времени в моём педагогическом арсенале уже была игра «Досочини стихотворение!». Обычно я давал детям первые две строчки неизвестного им четверостишия и предлагал посоревноваться с автором — дописать стихи. Теперь в ход пошли «начала», сочинённые Ренатой:

Стоит собака у столба
И утирает пот со лба.

Однажды на пляже случилась пропажа:
У краба украли жабры.

У Зайца зубы заболели,
И запретили Зайцу зелень.

Муха стала частым гостем на занятиях младшей группы моей литературной студии, где получила, по её выражению, «базовое детское литературное образование». Выяснилось, что ей близки те же поэты, с которыми я знакомил своих студийцев (а заодно и Ренату): Борис Заходер, Эмма Мошковская, Ирина Токмакова, Генрих Сапгир, Эльмира Котляр, Эдуард Успенский, Новелла Матвеева.

Позже некоторые из Мухиных двустушией мне удалось продолжить. Самостоятельно дописывать свои внезапно родившиеся строчки и превращать их в завершённые стихотворения Реночка в те годы отказывалась категорически. В кругу многочисленных друзей и знакомых у Мухи сложилась к тому времени устойчивая репутация талантливой, острой на язык и непредсказуемой женщины, которой всё даётся без усилий — и телевизионный успех (Рената вела популярные уроки англ-

лийского языка), и филологические изыскания (Рената Муха писала кандидатскую диссертацию), и преподавание в университете. Этому образу более всего соответствовало весёлое и демонстративно легкомысленное отношение к сочинению стихов как к озорной игре, как к одной из женских прихотей. Но я-то относился к стихам серьёзно, стараясь следовать установкам С. Маршака. В марте 1963 года Самуил Яковлевич советовал в письме ко мне:

...будьте еще строже в отборе не только целых стихотворений, но и отдельных строф и строк. Как народ запоминает самые совершенные, самые удачные пословицы, песни, считалки, — так должен отбирать у себя самое крепкое и запоминающееся поэт, пишущий для детей. Свобода, причудливая игра должны сочетаться со строгостью.

Начав с неудачных попыток исправить двустишие с Реночкиными калошами, я всё же вскоре стал с согласия Мухи редактировать её стихи, и благодарное (Ренате) человечество узнало «Ужаленного Ужа»² таким:

Бывают в жизни чудеса —
Ужа ужалила Оса.
Она ужалила в живот,
Ужу ужасно больно.
Вот.
А доктор Ёж сказал Ужу:
«Я ничего не нахожу,
Но всё же, думается мне,
Вам лучше ползать на спине,
Пока живот не заживёт.
Вот».

(Замечу в скобках: «Ужаленный Уж» исходно был уже вполне завершённым произведением, пригодным для публикации.)

После «Ужа» Муха показала мне «Проводы»:

Спокойной походкой
Идёт по перрону
С большим чемоданом
Большая Ворона.

А вместе с Вороной,
Чуть сзади и сбоку,
Её провожая,
Шагает Сорока.

И всё б это было
Совсем хорошо,
Если б их поезд
Давно не ушёл³.

А потом появилась трогательная «Одинокая Свинка»:

По длинной тропинке
Немытая Свинка
Бежит
Совершенно одна.
Бежит и бежит она,
И вдруг
Неожиданно
У неё зачесалась спина.

Немытая Свинка
Свернула с тропинки
И к нам
Постучалась во двор.
И хрюкнула жалостно:
«Позвольте, пожалуйста,
О ваш почесаться забор!»

Среди первых завершённых стихотворений Рены была и весёлая скороговорка:

У Осетра была сестра,
Она пила ситро с утра.

Перепечатав на машинке многочисленные Мухины стихи, готовые к публикации, и её фрагменты стихов, дополненные мной так, чтобы они стали законченными стихотворениями, я добавил к этому собственные стихи и послал подборку в издательство «Малыш». К сожалению, наша с Реной книжка тогда так и не вышла. Удачливей оказалась Нина Воронель. Именно благодаря её усилиям в 1968 году в том же «Малыше» вышла книга «Переполох» двух соавторов — Рены и самой Нины. Так имя «Рената Муха» впервые появилось на обложке книги.

Через четверть века после новосибирской «Глупой Лошади» в Одессе вышла тоненькая книжка с длинным названием «Про Глупую Лошадь, Забывчивую Сову, Братьев-Бегемотов, Кота-который-не-умел-мурлыкать и Котёнка-который-думал-что-он-тигр» (Одесса; Москва: Два слона; Дуэт, 1993). На обложке значились имена трёх авторов: Рената Муха, Вадим Левин, Полли Камерон. В книжку вошли стихи Мухи, мои и наши общие, а также сказки американской писательницы Полли Камерон в наших пересказах. Автор каждого произведения был указан в оглавлении. Правда, читатели, не заглядывавшие на последнюю страницу, не могли определить, где чьё стихотворение. Виной тому, вероятно, схожесть наших почерков.

Видимо, не случайно один пожилой поклонник таланта Ренаты Мухи, который до того в жизни не писал стихов, сочинил двестишесть после выступления Реночки в Марбурге в 1998 году:

Не зря В. Левин любит Муху:
Она сестра ему по духу.

Самоутверждающиеся калоши (продолжение лошадиной истории)

...сладостные стишки, жужжа, повисали над пропастью забвения.

И тут на помощь приходила я. Я подхватывала эти осколки на лету...

Нина Воронель. «Светлой памяти
Ренаты Мухи»
(журнал «22», № 153)

В «Переполохе» неожиданно продолжилась история неисправимых калош Ренаты. Они попали в эту книгу почему-то в компании с лошадью:

У лошади было четыре калоши...

Была ли это моя лошадь, у которой калоши появились ещё в 1963 году, или Глухая Лошадь, которая возникла позже, установить невозможно, так как дальше о хозяйке калош не говорится ни слова и зачем она вообще упоминается в первой строке, до сих пор остаётся загадкой.

Нина Воронель (в журнале «22», № 153; см.: http://www.sunround.com/club/22/153_renata.htm) рассказывает о времени, когда возникли эти стихи, так:

Когда-то, на заре туманной юности, мне посчастливилось в соавторстве с Реночкой создать нашу первую детскую книжку. Тогда у Реночки только-только открылся редкий талант создания неожиданных блистательных строк, не имеющих ни начала, ни конца, вроде:

*У лошади было четыре калоши,
Две правых — дырявых, две левых хороших...*

Выкрикнув их под гром аплодисментов, она замирала в недоумении, не зная, что с этими строчками делать дальше. В ту эпоху смелость редакторов ещё не достигла та-

кого накала, чтобы печатать незавершённые вирши, даже прелестные, и сладостные стихишки, жуужжа, повисали над пропастью забвения.

И тут на помощь приходила я. Я подхватывала эти осколки на лету и, не претендуя на Реночкин дар искрометных экспромтов, доводила их до афористичного конца. Стихотворение о калошах я завершила так:

*И левые две неустанно гордились,
Что правые две никуда не годились,
И правым твердили со всей прямоюй:
«Не вам бы хвалиться своей правотою!»*

Талантливо следуя стилю импровизаций Мухи, автор воспоминаний щедро наполняет свою историю занимательными подробностями, которые обогащают и оживляют реальность. Не ставя под сомнение право художника на вымысел, приведу для полноты картины некоторые факты из жизни лошади в калошах.

Рена никогда не сочиняла стихов про лошадь с калошами. В её знаменитом двустишии (и до появления «Переполоха», и после него) калоши всегда жили в одном коридоре и никакого отношения к лошади не имели. Лошадь познакомилась с Реночкиными калошами в 1963 году, когда я попытался исправить известную ошибку Ренаты. Эта первая лошадь в печать не попала. Больше повезло её глупой родственнице из моего стихотворения, написанного немного позже: «Глупая Лошадь» публиковалась много раз, в том числе — в 1967 году в «Литературной газете». Вслед за этим лошадь при калошах возникла в книге «Переполох»: чтобы довести Мухино двустишие до афористичного конца, соавтор Ренаты почему-то убирает калоши из коридора и передаёт их лошади. С тем же успехом первая строка могла звучать так:

У бабушки было четыре калоши...

Или:

У кролика (суслика, ёжика...) было четыре калоши...

Стихотворение-то получилось о злорадных левых калошах, которые *«неустанно гордились»* тем, *«что правые две никуда не годились»*. А кому они принадлежали (бабушке, лошади, кролику, суслику, ёжику), совершенно неважно.

Остаётся констатировать, что лошадь (может быть, глупая) забрела сюда случайно и при невыясненных обстоятельствах.

Много лет, рассказывая о своём «ошибочном» двустишии со сцены, по радио и по телевидению, Муха неизменно включала в этот свой номер исполнение моей «Глупой Лошади». И я благодарен за это Реночке и её добрым калошам нетрадиционной ориентации, которые жили (и живут) в одном коридоре. Кто знает, как сложилась бы жизнь Рены и моя, если бы не они, когда-то познакомившие нас с Реной и натолкнувшие меня на образ Глупой Лошади. На пятом десятке лет нашего соавторства с Мухой ко дню рождения Реночки я написал ей — о ней:

В моей судьбе она за каждой датой —
мой верный друг, соавтор мой крылатый.
Сам не пойму, да как же я когда-то
жил без калош, подаренных Ренатой.

Лошадь без калош (окончание лошадиной истории)

Её собственные лошади оказались совсем без калош, но зато Реночка, со свойственной ей широтой, взяла в это стихотворение соавторами вдохновивших её Нелю и Вадика.

Вадим Ткаченко. «Это было, и случилось, и произошло» (<http://magazines.russ.ru/ier/2009/31/tk18.html>)

В «Переполах» вошло стихотворение о двух лошадях:

Белая Лошадь с белым хвостом
И Чёрная Лошадь с чёрным хвостом
Вместе стояли
И вместе жевали
Сено, что вместе нашли под кустом.

Белая Лошадь с белым хвостом,
Сено доев, заявила о том,
Что сено как сено,
Но, несомненно,
Сено не может сравниться с овсом.

Чёрная Лошадь с чёрным хвостом
С ней согласилась, добавив притом,
Что сахар не хуже
И слаще к тому же,
Но никогда не лежит под кустом.

Вскоре после выхода «Переполаха», готовя к публикации в каком-то журнале подборку стихов Ренаты, я предложил в двух местах чуть-чуть подправить стихотворение. Теперь стихи начинались так:

Белая Лошадь с белым хвостом
И Чёрная Лошадь с чёрным хвостом

*Вдвоём по поляне
Гуляли в тумане
И свежее сено нашли под кустом.*

А завершались:

*Что сахар не хуже
И слаще к тому же,
Но реже, чем сено, лежит под кустом.*

Мои микроизменения Реночка приняла. Более того, она сочла правку достаточным поводом для того, чтобы добавить моё имя в число соавторов двух лошадей, — «в отместку» за мой антиплагиат, как назвала она это в одной из своих историй. С тех пор Муха помещала эти стихи в свои книги под тремя именами. И хотя я с этим не согласился и никогда не включал чёрно-белых лошадей ни в свои, ни в наши общие с Ренатой книги, совесть мучила меня до тех пор, пока счастливые калоши снова не пришли мне на помощь. В этот раз они помогли мне расплатиться с Реночкой её же монетой: не получив согласия Мухи, я опубликовал своё стихотворение «Похвальная песенка о лошади» (без калош!) и включил Ренату в соавторы.

Очень простое животное — лошадь:
с виду мила
и характер хороший.

Лошадь
за стол никогда не садится.
Лошадь
в постель никогда не ложится.

Ест она
стоя.
И спит она
стоя.

Лошадь —
животное очень простое.

Это стихотворение *двух* авторов вошло в обе наши совместные книги. В первую — «Про Глупую Лошадь, Забывчивую Сову, Братьев-Бегемотов, Кота-который-не-умел-мурлыкать и Котёнка-который-думал-что-он-тигр». И в «Между нами» (М.: Октопус, 2009) — последнее прижизненное издание Ренаты Мухи. «Похвальной песенкой о лошади без калош» завершается лошадиная история, начавшаяся в начале шестидесятых годов прошлого столетия на кафедре английского языка Харьковского университета.

Раньше, чем давным-давно

Это было давным-давно и даже немного раньше...

Редьярд Киплинг. «Краб, который играл морем»
в пересказе Ренаты Мухи и Вадима Левина

Вряд ли меня очаровал бы киплинговский «Краб, который играл морем», если бы не эта колдовская фраза, придуманная Ренатой для начала сказки:

— Это было давным-давно и даже немного раньше, в дни, когда всё на земле начиналось с самого начала и даже само начало начиналось сначала.

Муха произнесла это как заклинание — размеренно, таинственно и уютно, своим неповторимым голосом — в самом начале нашей дружбы и даже немного раньше, когда мы только познакомились и нам ещё предстояло подружиться. Голос Ренаты завораживал. Особенно — когда она рассказывала английские стихи или сказки. Рена никогда не пробовала переводить стихи (во всяком случае, я ничего об этом не знаю), но охотно читала мне в оригинале, передавая звучание подлинника, английский детский фольклор, Джеймса Ривза, Джона Баннета, Майкла Розена... Позже многие английские стихи я перевёл или пересказал с голоса Ренаты. Но сначала в нашей жизни случился Киплинг.

«Это было давным-давно и даже немного раньше...»

Зачаровывающий сказочный запев окончательно и навсегда открыл мне Ренату, потому что был он — как сама Рена, как лучшие её стихи-миниатюры и устные рассказы («storytelling») — завершённым произведением, с внезапными и весёлыми поворотами и естественной, безукоризненно точной и уникальной интонацией. Такого абсолютного поэтического слуха и совершенного чувства стиля в сочетании с жизнелюбием и самоиронией я не встречал больше ни у кого.

Фрагменты сказок Кипплинга Муха рассказывала наизусть — и по-русски, и по-английски. Особенно Реночке нравился зачин «Кошки, которая гуляла сама по себе». В переводе Корнея Чуковского сказка начиналась так:

Слушай, мой милый мальчик, слушай, внимай, разумей, потому что это случилось, потому что это произошло, потому что это было еще в ту далекую пору, когда Ручные Животные были Животными Дикими.

Собака была дикая, и Лошадь была дикая, и Корова была дикая, и Овца была дикая, и Свинья была дикая — и все они были дикие-предикие и дико блуждали по Мокрым и Диким Лесам.

Но самая дикая была Дикая Кошка — она бродила, где вздумается, и гуляла сама по себе.

Ренату, которая независимостью напоминала кипплинговскую кошку, эта сказка удержала на факультете иностранных языков, когда Муха едва не бросила университет. Тексты в вузовских учебниках английского языка были не просто идеологизированными, а искусственными и откровенно фальшивыми. На Рену, с её обострённым чувством слова, они навели невыносимую тоску.

И вот, — рассказывает Рената (см.: <http://t-samoynova.livejournal.com/101160.html>), — в один день, который я с полной серьёзностью называю счастливым днём своей жизни, мне попала маленькая английская адаптированная книжечка. Я её открыла наугад — и прочла: «Слушайте, слышите и понимайте, потому что это было и случилось, и произошло, когда все домашние животные были дикими. Но самым диким из всех диких животных был кот, который, размахивая своим диким хвостом, ходил по мокрому лесу сам по себе».

Должно быть, мелодика сказок Кипплинга (воспринятая непосредственно из подлинника или из переводов Корнея Ива-

новича) подсказала Ренате эту волшебную фразу, которой не было в английском оригинале сказки «The Crab that played with the Sea», но которая сразу придавала русскому переводу киплингскую интонацию: «Это было давным-давно и даже немного раньше...»

Кстати, до этого «давным-давно и даже немного раньше» я не слышал о сказке «Краб, который играл морем». Эта волшебная история почему-то не вошла в книгу «Просто сказки» в классических переводах К. Чуковского. Но после того как Муха прочла мне «Краба» в подлиннике, мы решили, что непременно перескажем сказку по-русски. Рена сделала подстрочник, и мы взялись за работу. Вот когда я впервые понял, что не только занятия с детьми — увлекательная и радостная работа. Праздник начинался каждый раз, когда мы с соавтором встречались за письменным столом. Впрочем, «письменный стол» — это, конечно, метафора. Мы переводили Киплинга (а потом и других авторов, и сочиняли стихи, и писали статьи) и в кабинете у Рены, и на её кухне, и в московских кафе, когда оказывались в столице одновременно, и даже в вагоне поезда. Но праздником это было настоящим, а не метафорическим: каждого из нас радовали находки соавтора. Как только мы встречались, у кого-нибудь из нас непременно возникали ритмические строчки, другой подхватывал, и мы начинали сочинять. К обоюдному удовольствию. Так мы благополучно перевели «Краба» (который потом был опубликован в газете «Первое сентября») и однажды случайно сочинили вместе пародийное стихотворение, которое, в отличие от «Краба», осталось неопубликованным. Случилось это так.

Час ученичества

— О тебе говорят,
как о детском поэте.
— А я разве спорю,
Милые дети?

Борис Заходер

В первые годы нашего знакомства у нас с Реной нередко возникали «теоретические семинары на двоих». Как-то раз во время такого «семинара» мы стали выяснять, какие качества мы, Рена и я, более всего ценим в поэзии для детей. Выделили иронию, естественность интонации и «многослойность»: обращённость не только к детям, но и ко взрослым. И сразу обнаружили, что оба имеем в виду «детские» стихи Заходера. Стали приводить друг другу примеры из «Мохнатой азбуки» и других книг почитаемого нами Мастера:

ВЕРБЛЮД решил, что он — жираф,
И ходит, голову задрал,
У всех
Он вызывает смех,
А он, Верблюд, плюет на всех!

Дети хохочут, а взрослым в строчках Бориса Заходера открывается совсем иная ирония поэта. Как и в стихотворении «Обезьянки», которое оказалось опубликованным в советское время по явному недосмотру цензуры:

— Наши предки, ваши предки
На одной качались ветке,
А теперь нас держат в клетке.
Хорошо ли это, детки?

Одно четверостишие, а два стихотворения: про обезьянок — для детей, про нас самих — для нас, взрослых!

Или такое детское стихотворение:

Никакого
Нет резона
У себя
Держать БИЗОНА,
Так как это жвачное —
Грубое и мрачное!

— Это профилактические стихи, — сказала Рена. — Их должна знать наизусть каждая незамужняя женщина.

Решили попробовать, а не сможем ли мы сочинить что-нибудь в манере Заходера. Вспомнили стихотворение «Лев»:

Считался ЛЕВ царем зверей,
Но это было встарь.
Не любят в наши дни царей,
И Лев — уже не царь.

.....

Теперь сидит он присмирив,
И перед ним — ограда.
Он недоволен, этот Лев,
Но так ему и надо!

И довольно быстро, в игре, возникло пародийное подражание (сразу в двух вариантах):

Как у льва, царя зверей,
Объявился брат — еврей.

Плохо дело у царя,
Откровенно говоря.

В другом варианте первая пара строк выглядела так:

Раз у льва, царя зверей,
Появился зять-еврей.

К тому времени я уже бывал в доме Бориса Владимировича в Комаровке под Болшево, мечтал «показать» ему Ренату и в

конце концов привёз её с собой, не получив предварительно разрешения хозяина. Выходя к нам из своего кабинета, Б. В. сказал тогда недовольно:

— Ну-ка, поглядим, что за Муха залетела в Комаровку.

Из воспоминаний Натальи Рапопорт (см.: <http://7iskusstv.com/2010/Nomer9/Rapoport1.php>):

Очень смешно Рената рассказывала о первом визите к мэтру — Борису Заходеру, куда её без специального для неё приглашения привёз Вадим Левин, но в дом не пустили дальше людской. Мэтр, по всему, был с характером.

«В дом не пустили дальше людской» — это очередная придуманная Мухой подробность. Нас сразу пригласили за стол, и уже через десять минут Борис Владимирович разговаривал с Реночкой как с давно знакомой приятной собеседницей.

(Что заставляло Ренату Муху, одарённую великолепной цепкой памятью, вносить «редакторские правки» в реальные события? Почему нередко один и тот же эпизод она описывает по-разному, рассказывая о нём разным слушателям? Мне кажется, на эти вопросы мне ответила сама Рена, когда однажды попросила меня оценить её версию истории с пингвинами. Об этом дальше — в главе о пингвинах.)

Так Муха подружилась с Борисом Заходером и его обаятельной женой Галиной Сергеевной. Позже мы не раз бывали у них в гостях — и вдвоём, и порознь. Рассказывая о Борисе Владимировиче, Галина Заходер упоминает об этом в своей книге «Заходер и все-все-все» (М.: Захаров, 2003. — С. 205—206):

Знаю, что к ним Борис Заходер относился очень серьезно, не учительствуя, а общаясь на равных, помогая, в меру своих возможностей, занять достойное место в литературе. Радовался каждому их визиту. Беседуя, они обогащали друг друга. Рената Муха и Вадим Левин сохранили верность старшему другу до последних его дней, а теперь делят её со мной.

В один из наших приездов, послушав стихи Мухи, Борис Владимирович оценил их так:

— Ну, Рената, давно я такого не слышал! Под некоторыми из них я бы сам с удовольствием подписался.

— Ну и подпишитесь, пожалуйста, — сказала Рената.

— Спасибо, я как-нибудь без вас обойдусь.

Однако на листке со стихотворением написал: *Это просто прелесть.*

— Нате, вам это будет вместо рекомендации.

Этот диалог, свидетелем которого я был, воспроизвела в своих воспоминаниях Галина Заходер. Там же она рассказала и о таком эпизоде:

Лето. Все сидим на террасе, но я, как хозяйка, частенько вскакиваю и бегу на кухню — добавить к столу, убрать что-то.

Слышу, Борис кричит: — Галя, Галя, иди скорей, послушай, как человек радуется радости другого человека!!!

А было так. Боря прочитал Ренате стихотворение «Бизон». <...>

Рената от восторга закричала своё, такое эмоциональное — О-ой!!! — и начала хохотать, как только одна она умеет. Борис, несомненно, польщённый реакцией, однако несколько настороженный яркостью её выражения, спросил: — Чему это вы так радуетесь, Рената? — на что Реночка ответила, что она радуется, представив какую радость испытал Заходер, когда написал эти строки. Вот тут-то Борис и сказа мне: Налей-ка за это Реночке еще тарелку супа!

И всё-таки нашу давнюю пародию на заходеровского «Льва» (ни в первом варианте, ни во втором) мы решили не показывать Борису Владимировичу и не публиковать, чтобы нечаянно не обидеть любимого Мастера. Но работа над пародией не пропала зря: сочиняя её, мы открыли для себя, что не только переводы, но и стихи нам хорошо писать вместе.

От Персика до наших дней (начало длинной истории Маленького Пингвина)

*Вы ничего не слышали о Маленьком Пингвине?..
А он...*

Рената Муха, Вадим Левин. «Большое путешествие Маленького Пингвина»

...Он попал в наши с Ренатой Мухой стихи с лёгкой руки Виктора Михайловича Персика.

О тех временах (начало 1970-х), когда начиналась история Маленького Пингвина, и о том месте (ЦДРИ СССР), где она началась, мы вспоминали в 2005 году в литературной радиопередаче Виктора Персика из Нью-Йорка. Вспоминали втроём: Виктор из студии, а мы с Реночкой по телефону. Рена — из Беэр-Шевы, я — из Марбурга. Так разбросала нас жизнь. К счастью, запись этой передачи сохранилась.

В начале этой истории мне хочется рассказать о Викторе, нашем общем с Ренатой друге. Думаю, Реночка одобрила бы такое начало.

В те семидесятые годы Виктор Персик, актёр театра Ермоловой, ездил по всей стране с сольными литературными концертами от московской филармонии. Он читал Блока и Лорку, Олешу и Хлебникова (позже фирма «Мелодия» выпустила его уникальный альбом-концерт «Хлебников» из двух дисков-гигантов). В репертуаре актёра был Хармс для детей, Виктор готовил «Трёх мушкетёров» для подростков и мечтал о новой «разновозрастной» программе. Такую программу он выпустил после нашей встречи, назвал её «Глупая Лошадь и К°» и исполнял с большим успехом.

Артисту Виктору Персику я посвятил «Стихи о лошади»:

Увидав её, люди смеялись в кулак
и кривлялись друг другу:

«Хи-хи!
эта лошадь — больна,
эта лошадь — чужак,
эта лошадь влюбилась в стихи!
Нет, своих сочинений у лошади нет,
даже песен не пишет она.
Нет, она не поёт,
нет, она не поэт,
но в чужие стихи влюблена!..»

Нам прекрасная сущность не в каждом видна,
мы охотнее видим грехи.
Эта лошадь была для стихов создана,
эта лошадь любила стихи,
и нередко, услышав звучанье стихов,
забывала она про овёс
и внимала стихам, восхищаясь без слов
и в восторге рыдая без слёз.
Влюблена в стихотворную странную речь,
полнозвучное слово ценя,
эта лошадь себя не умела беречь
от насмешек и злого вранья.
Пусть о ней чепуху говорили вокруг,
неприятно смеялись «хи-хи»,
эта лошадь была мне помощник и друг,
и о ней сочинил я стихи,
чтобы в них сохранить её образ навек...
.....
Вот какой эта лошадь была человек!

Когда Персик впервые приехал на гастроли в Харьков, он уже знал о моих якобы английских стихах и о моей детской литературной студии в городском Дворце пионеров и школьников. Витя нашёл меня во Дворце, дождался конца занятий с младшей группой литстудии и проводил в 17-ю школу, где в экспериментальном первом классе я вёл «уроки творчества». По дороге мы договорились, что проведём урок пополам — по-

ловину я, половину — Персик. Так и познакомились. Вернувшись в Москву, Виктор стал инициатором встреч, которые в течение одиннадцати сезонов я проводил потом в ЦДРИ семидесятых-восьмидесятых годов. Тогда это было замечательное место на крохотной старинной Пушечной улице, которая упирается в площадь Дзержинского. И хотя это место находится около Лубянки, именно оно — то ли стихийно, то ли по чьей-то коварной воле — стало клапаном, через который художественной интеллигенции позволялось выпускать пар.

В радиопередаче «Памяти поэта Ренаты Мухи» (<http://echo.msk.ru/programs/children/615676-echo/>) Вероника Долина рассказала о ЦДРИ так:

Были такие годы, самое начало 80-х, и было такое место ЦДРИ, центральный дом работников искусств. В 80-м году умер Высоцкий, где-то в конце 80-го, в 81-м почти подпольно, но очень задорно и весело мы стали делать вечера его памяти в ЦДРИ с тамошними сотрудниками, ясное дело. Партизанищина в этом была, всё это было довольно запретно. ...Публики была масса, на наши билетки люди там охотились по всему Кузнецкому мосту, и там детские вечера тоже сделались.

Один из отделов ЦДРИ назывался «Филармония для детей и юношества». Заведовала филармонией милейшая Маргарита Иосифовна Саксаганская, молодая артистичная женщина. А председателем художественного совета филармонии была Лидия Борисовна Либединская. Виктор Персик познакомил меня с ними, и они приняли мою идею — четыре-пять раз в сезон проводить в Каминном зале ЦДРИ «Праздники поэзии и сказки для младших школьников». Я стал регулярно приезжать из Харькова в столицу, чтобы готовить и вести эти «Праздники». Виктор Персик был непременным участником этих встреч, моим надёжным партнёром, любимцем детей и взрослых. Что называется, «мастер художественного слова», он ока-

зался ещё и мастером гротеска и мгновенно вовлекал детей в игры со словами и образами. Мы подружились, понимали друг друга с полужеста и от души импровизировали. Если в это время Рената Муха оказывалась в Москве, я включал её в программу, и Реночка с удовольствием подхватывала наши игры с детьми.

Вероника Долина вспоминает:

И там мы познакомились с Ренатой и Вадимом Левиным. Они с детьми проводили вечера, может, и утренники, а никакие не вечера... Приводили деток, вот эти неслыханные рифмы на английский лад детям чуть-чуть рассказывали, чуть-чуть вдалбливали, чуть интерактива с детьми проводили, как это теперь называется, ты им строчку, они тебе вторую, было очень здорово. Очень раскрепощённый стиль для того начала 80-х годов, ведь вообще это всё было невиданно и неслыханно. Рената блистала, как кусок хрусталя, собственно, она всегда так блистала.

А после праздников мы с участниками оставались в ЦДРИ, во внутреннем кафе «Кукушка», чтобы обсудить выступление. Там собиралась замечательная компания актёров, художников, музыкантов и писателей, влюблённых в стихи, — целый табун неправильных лошадей. «Стихи о лошади», посвящённые Виктору Персику, написаны не только о моём друге, который помогал мне вести наши «Праздники», а обо всей этой компании.

В те же годы Персика пригласили на телевидение. Там, в передаче «Будильник» (или «С утра пораньше»), он открыл свою рубрику — что-то вроде «концерта-игры — по заявкам маленьких телезрителей». Дети присылали «заявки» в виде рисунков, а Персик, взглянув на рисунок, вспоминал подходящие стихи и читал их. Репертуар у артиста был огромный, но когда он увидел одинокого пингвина на льдине (а именно такой рисунок прислала девочка Лена), Виктор растерялся,

потому что стихов о пингвине в его программах не было. Пришлось признаться телезрителям, что стихотворения к этому рисунку он не знает... Но попросит своих друзей-поэтов вспомнить или сочинить что-нибудь подходящее. И попросил. Случилось это именно в ЦДРИ, в маленьком кафе «Кукушка». Там после очередного «Праздника поэзии и сказки», в котором в тот раз участвовала и Муха, мы обсуждали наше выступление и вообще приятно общались. Персик показал нам детский рисунок, и — мы тоже ничего не смогли вспомнить. Пришлось сочинять, и я предложил:

У бедняги пингвина — ангина,
На купанье не взяли пингвина,
Он остался один среди льдин.
У него тридцать семь и один.

Виктор поначалу обрадовался, но, подумав, забраковал стихотворение. Потому что по советскому телевидению следовало говорить с детьми бодро и о весёлом: больного пингвина цензура не пропустила бы. Такой дарвиновский отбор...

Пришлось сочинить другую реплику-рифмовку, которую — как свою импровизацию — ведущий концерта по заявкам прочитал потом во время телепередачи⁴.

Возвратившись в Харьков, мы с Реной попытались довести до ума вариант с захворавшим пингвином. Мне казалось, что к стихам нужно придумать какое-нибудь безболезненное начало.

— Или смешное название, — предложила Рената.

В нашем со-сочинительстве случалось разное. Обычно замысел одного соавтора сразу увлекал другого. Но это был тот случай, когда идея Рены не показалась мне плодотворной, и Муха стала придумывать название сама, а потом заразила этой игрой своих друзей — Анатолия Вишневого и Владимира Рубленецкого. В результате их общих усилий получилось вот что:

Печальная история

Про одного пингвина, который в санатории переболел ангиной,
С которою не справились все местные светила,
Которым то ли званий, то ли знаний не хватило,
Которые, тревожась о личной репутации,
Звонили консультанту, прося о консультации,
Который, о пингвинихе всерьёз беспокоясь,
Велел послать последнего на юг, на Южный полюс.

<И стоит он один среди льдин.

У него тридцать семь и один.>

+++++

Вторая часть истории

Про одного пингвина, который в санатории переболел ангиной,
С которою не справились все местные светила,
Которым то ли званий, то ли знаний не хватило,
Которые, тревожась о личной репутации,
Звонили консультанту, прося о консультации,
Который, о пингвинихе всерьёз беспокоясь,
Велел послать последнего на юг, на Южный полюс,
Где вымерзли все вирусы,
И через две недели пингвин окреп
И двинулся в обход по параллели,
Где шёл пингвин рассеянно,
Где ласту чуть не вывихнул,
Где угодил в расселину,
Где встретился с пингвинихой,
И где от воздержания и недостатка выбора
Он с пылкостью южанина, боясь, а вдруг не выгорит,
В свой первый день с пингвинихой ей сделал предложение
(заглавие не кончено, послушай продолжение),
Где стал без трех недель отцом, когда она снесла яйцо,
И где на нем сидел пингвин,
Когда она ушла с другим.

<И стоит он один среди льдин.

У него тридцать семь и один.>

Игра в сочинение длинного рифмованного названия к неприязнительному двестишию о больном пингвине продолжалась несколько лет. Время от времени Рена показывала мне новые и новые варианты, которые сочинила с друзьями. Но это были взрослые игры с шутками для взрослых, а я хотел, чтобы простуженный пингвин выздоровел и вернулся к детям. И вот однажды, когда мы работали у Ренаты, Муха показала мне начало нового детского стихотворения. Оно, как мне помнится, выглядело примерно так:

Послушайте историю о маленьком пингвине:
На самом Крайнем Севере, на самой Крайней Льдине
Без шапки и без свитера, лишь в легком летнем фраке
Стоит пингвин, затерянный в густом полярном мраке.
Здесь всюду бесконечные заносы и торосы,
Здесь никого прохожего, чтоб подойти с вопросами.
Здесь мёрзнет мир животный, и здесь вымерз мир растительный
(Что в этом жутком холоде ему вполне простительно).
Письма здесь бросить некуда, не носят телеграммы.
Он представляет, как ему теперь влетит от мамы.

Мне сразу понравился ритм стихотворения, интонация и, в частности — записанное в две строки четверостишие:

Здесь мёрзнет мир животный, и
здесь вымерз мир растительный
(Что в этом жутком холоде
ему вполне простительно).

А начальные строки мгновенно запомнились и требовали скорейшего превращения в завершённые стихи:

На самом Крайнем Севере,
на самой Крайней Льдине...

Конечно, я немедленно сказал об этом Мухе, чем её обрадовал. Но тут же и огорчил:

— Реночка, пингвины предпочитают жить в Антарктиде. В Арктике их не бывает... Но это не страшно.

И я предложил Рене рассказать о том, как пингвин пошёл в гости к бабушке, но перепутал полюс. Теперь Муха обрадовала меня, потому что идея ей понравилась. Так, радуя друг друга, мы стали придумывать дальше. Рена записывала то, что получалось:

*Послушайте историю о маленьком пингвине:
На самом Крайнем Севере, на Самой крайней Льдине
Без шапки и без свитера, лишь в легком летнем фраке
Стоит пингвин, затерянный в густом полярном мраке.
Замерзший и испуганный стоит в снегу по пояс.
Он собирался к бабушке, но перепутал полюс.
Сегодня встал, позавтракал и вышел утром рано,
Но вместо параллели <... .. меридиана>
Стоит пингвин растерянный и никому не нужный
Здесь всюду полюс северный, а где же полюс южный?
Здесь миллионы айсбергов, а может, даже тыщи,
Здесь никакая бабушка пингвина не отыщет,
Здесь всюду бесконечные заносы и торосы
Здесь никого прохожего, чтоб подойти с вопросами.
Здесь мёрзнет мир животный, и здесь вымерз мир растительный
(Что в этом жутком холоде ему вполне простительно).
Письма здесь бросить некуда, не носят телеграммы.
Он представляет, как ему теперь влетит от мамы.
<Все шире в льдине трещина, все уже круг арктический,
<<С утра не ест пингвин...>> ...с утра не ест практически.
Ложится спать не вовремя и ест нерегулярно
Он целый день на улице, а день-то здесь полярный.
...
И ни единой льдины,
чтоб к бабушке доставила замёрзшего пингвина...
..... лучшего, лучше ей...
На самом Крайнем Севере, но в Самом крайнем случае.>*

Мы неплохо поработали (или поиграли?) — столько весёлых находок. Чего стоило одно:

«...лучше ей

На самом Крайнем Севере, но в Самом крайнем случае!»

Одна беда — история получалась жалостливой и даже за-
унывной. Мне совсем не хотелось огорчать Реночку, но ещё
больше не хотелось огорчать детей. И я сказал Ренате (и она
не раз это потом вспоминала):

— Остроумно, взрослым понравится. Но мы же пишем для
детей. Нельзя в детских стихах так ныть.

Забрал черновик с собой, чтобы доработать стихи дома, и ушёл.
Пока ехал (а до моего дома был час пути), придумал историю до
конца. Приехал, записал и сразу позвонил Рене. Она слушала,
прерывая меня междометиями собственного сочинения: «и-и-и-
и!», «у-у-у-у!» и т. п. (Вот почему с ней хорошо работалось: она
умела радоваться находкам и замечательно не скрывала этого!)

Вы ничего не слышали о Маленьком Пингвине?

А он на Крайнем Севере, на самой крайней льдине,
Без валенок, расстроенный, стоит в снегу по пояс —
Спешил на ужин к бабушке и перепутал полюс.
Попал на полюс Северный, а сам хотел на Южный,
И вот стоит растерянный и, кажется, простуженный.

На самом Крайнем Севере, на самой крайней льдине,
Где не было до этого пингинов и в помине,
Где миллионы айсбергов, а может, даже тщи,
Где никакая Бабушка Пингвина не отыщет,
Стоит Пингвин заброшенный, один в глуши арктической
И ничего хорошего уже не ждёт практически.

Но тут...

Я сделал паузу, Муха в трубку:

— Ну-у-у-у?

...пригрело солнышко, и ОТКОЛОЛАСЬ ЛЬДИНА,

Тут Рената исполнила своё знаменитое и воспетое позже
Диной Рубиной: «А-а-а-а-а!!!»

А я продолжал под её возгласы:

И к Бабушке в Антарктику доставила Пингвина.
И кончилась история совсем не так уж плохо,
Обрадовалась Бабушка, на радостях поохала:
«Ну, вечно происшествия! Ведёшь себя, как маленький!
Уходишь в путешествия и забываешь валенки!»

Потом Пингвин поужинал и понял окончательно:
«Конечно, это здорово — гулять самостоятельно!
Такое приключение мне в жизни пригодится,
Могу теперь, пожалуйста, где хочешь заблудиться:
Хоть сам, хоть вместе с Бабушкой... Хотя, пожалуйста, лучше ей,
Гулять...»

Договорить мне не удалось, потому что Рена догадалась и
закричала, заглушая меня:

«...на самом Крайнем Севере лишь в самом крайнем случае!»

Так сложилось стихотворение «Большое путешествие Маленького Пингвина, или Почему даже пингвинам нужно учить географию». Правда, пришлось пожертвовать некоторыми находками Рены. В частности, теми четырьмя строчками, которые мне понравились и в отредактированном виде выглядели так:

Здесь мир животных голоден
и вымерз мир растительный
(что при подобном холоде
ему вполне простительно).

Лет через двадцать эти строчки стали отдельным четверостишием Ренаты Мухи. Но... путешествие пингвина не закончилось. Продолжилось оно в новом жанре — storytelling.

«Storytelling»

(окончание длинной истории Маленького Пингвина)

...рассказчик — это не профессия, а призвание...

Рената Муха в интервью Полине Копшеевой
([http://t-samoylova.livejournal.com/
101160.html](http://t-samoylova.livejournal.com/101160.html))

Свою байку о том, как мы сочиняли эти стихи, Муха однажды исполнила персонально для меня в Беэр-Шеве, где Вадим Ткаченко и Рената поселились, покинув СССР. Оказавшись в Израиле, я приехал к ним в гости. Легенда о сотворении Пингвина, в которой я был одним из персонажей, пользовалась большим успехом, и Рена хотела, чтобы я выслушал и одобрил её новый эстрадный номер.

По легенде Ренаты, в Куйбышеве, на семинаре педагогического сообщества «Эврика», в вечерней «культурной программе» шёл наш с Реночкой авторский литературный концерт. Дальше Муха рассказывала примерно так.

— Я прочитала свои стихи о Маленьком Пингвине:

Вы ничего не слышали о Маленьком Пингвине?

А он на Крайнем Севере...

И т. д., завершая словами:

Стоит Пингвин заброшенный, один в глуши арктической
И ничего хорошего уже не ждёт практически.

— И тут, — продолжала Рената, — на сцену к нам с Вадимом вышел какой-то небольшой бородатый человек, как потом оказалось — учитель географии. И на лице у него была большая обида, а в руках большой лист бумаги, как потом оказалось — с длинным списком замечаний. И этот небольшой человек с большим списком и большой обидой объяснил мне, что на севере пингинов не бывает. И слоны на Борнео не водятся...

И т. д.

— А пока он перечислял обиды, Вадим что-то записывал на клочке бумаги. Я собиралась ответить географу, но мой соавтор опередил меня и сказал: «Рената исполнила только половину стихотворения. А дальше случилось вот что». И прочитал, изредка заглядывая в свой черновик:

Но тут пригрело солнышко, и ОТКОЛОЛАСЬ ЛЬДИНА...
И к Бабушке в Антарктику доставила Пингвина.

.....

Гулять на Крайнем Севере лишь в самом крайнем случае!»

Выслушав байку о куйбышевских приключениях Пингвина, я сказал:

— Реночка, но ведь всё было совсем не так.

На что Рена ответила:

— Но ведь так интереснее! Можно, я буду рассказывать так?

И я согласился.

Много позже, записывая эти воспоминания о Ренате, я сообразил, что бородач из куйбышевской истории не мог обвинять поэтессу в незнании географии. Ведь в стихах ясно сказано:

На самом Крайнем Севере, на самой крайней льдине,
Где не было до этого пингинов и в помине...

Но и я, слушая Реночку тогда в Беэр-Шеве, этой неувязки не заметил! Впрочем, это неудивительно. Динамичные «storytelling» Ренаты Мухи, полные шуток и мгновенных пируэтов, вызывающих у слушателей-зрителей непрерывные волны хохота, погружали аудиторию в состояние детской радости, напрочь лишая охоты вылавливать в рассказе нестыковки. И мне, когда я слушал Рену, не хотелось выяснять, что было взаправду, а что придумано. Я так и не спросил, действительно ли бородачатый учитель географии выходил на куйбышевскую сцену, когда мы с Мухой там выступали? Может, и вправду выходил. Кто его знает.

Я-то в Куйбышеве никогда не бывал.

Случалось, о событиях, свидетелем и участником которых я действительно был, Реночка рассказывала при мне. Слушая эти истории, я получал особое удовольствие: в них всё происходило интереснее и веселее, чем на самом деле. Рена лепила свои «storytelling» из событий обыденной жизни, между делом редактируя нашу жизнь, окрашивая её своей иронией, доброжелательностью, оптимизмом. Муха жила своими историями, и они жили вместе с ней, изменяясь со временем, как и положено всему живому. Вероятно, поэтому их так трудно было изложить на бумаге. Создавая свой вариант реальности, Муха превращала всех: и себя, и мужа («Папу Вадика»), и друзей, включая и меня, и знакомых, и незнакомых, — в персонажей своих неповторимых полуфантастических былей. Наши портреты превращались в дружеские шаржи: все были узнаваемы и необидно смешны.

С 1995 года, когда Рена переехала в Израиль, мы виделись редко. Но друзья и знакомые из США, Израиля, Европы постоянно звонили и писали о том, что слушали Муху то по телевидению, то на встрече с ней, и она тепло говорила обо мне. Постепенно из Мухиных «storytelling» сложилась наша ироническая автобиография на двоих — более занимательная и убедительная, чем реальная.

Мы вместе провели
не много дней,
но ты, — назло коварной географии, —
соавтор биографии моей
и автор нашей автобиографии.

31 января 2009 г.

Вадим Ткаченко как-то говорил, что в их семье любили девиз Мухи-рассказчицы: «не ради правды, а ради истины». Я бы расшифровал это так: эстрадное творчество Реночки за-

ключалось вовсе не в том, чтобы вплетать в реальные события выдуманные комические детали. Наоборот, Рена использовала реальные события для сочинения своих фантастических историй, чтобы эти истории были похожи на правду. От этого они становились ещё смешнее, веселее, оптимистичнее. Рената Муха рассказывала не ради правды, а ради общения — увлекающего и наполняющего радостью. И тысячи людей, которым посчастливилось слышать Реночку, благодарны ей за это.

Эпилог истории о Пингвине такой: через много лет после нашего стихотворения о Маленьком Пингвине Рената создала настоящий шедевр со взрослыми пингвинами:

Пингвины

На полюсе Южном
Гуляют пингвины
Такие нарядные,
Что непонятно —
Не то собираются
На именины,
Не то с именин
Возвратились обратно.

У Рены сначала было: «*На полюсе Южном / Собрались пингвины...*» А через строку: «*Не то собираются / На именины*». Я предложил заменить «собрались» на «гуляют». Этой последней редакторской правкой, которую Рената внесла в свои стихи по моему предложению, заканчивается долгая история о Пингвине, попавшем в наши с Мухой стихи с лёгкой руки Виктора Персика в начале 1970-х.

«Начало следует» — рождение жанра

*Хорошая цитата подобна изюминке в хлебе,
но не выпекай хлеб из одного изюма!*

Эмиль Кроткий.
«Отрывки из ненаписанного»

*Шёл человек по городу
И ел бутерброд без хлеба.*

Рената Муха

*Прочь заботы, прочь напасти и другое в том же духе.
Выпадает в жизни счастье, как стихи Ренаты Мухи.*

Феликс Кривин

В 2006 году, когда Рената жила в Израиле, а я в Германии, нас пригласили в гости на Московский международный открытый книжный фестиваль. Мы с Реной мечтали по телефону, что хорошо бы вместе с Татьяной и Сергеем Никитиными снова встретиться с московскими детишками, как когда-то в ЦДРИ. Но Реночка приехать не смогла, Тани тоже не было в Москве. «ДеДский уголок» на Книжном фестивале мы провели вдвоём с Сергеем Никитиным. У меня сохранился видеофрагмент этой встречи: дети сидят не только рядом со взрослыми в креслах, но и по всему полу — на кожаных подушечках, потому что помещение переполнено. Эти малыши родились через десятилетия после того, как прекратились «Праздники поэзии и сказки» в Каминном зале. Но они были НАШИМИ зрителями: пяти-семилетнее поколение подхватывало стихи Ренаты Мухи, когда я начинал их читать, а Серёжа — петь. Они знали стихи Бориса Заходера и Валентина Берестова, Владимира Орлова и мои, Ирины Токмаковой и Эммы Мошковской, Новеллы Матвеевой и Генриха Сапгира — авторов, которые звучали на встречах в ЦДРИ. После концерта выяснилось, что очень многие взрослые зрители сегодняшнего «ДеДского уголка» в 70-е были младши-

ми школьниками — гостями «Праздников» в Каминной. Они подходили к нам с Серёжей:

— Мы боялись, что наши дети никогда не испытают того, что чувствовали мы у вас в ЦДРИ...

Расспрашивали о моём соавторе, появились ли у неё новые «Начало следует».

Стихи в жанре «Начало следует» впервые прозвучали в Каминном зале и мгновенно стали украшением «Праздников поэзии и сказки для младших школьников».

.....
.....
С тех пор он питается разными кашами.
По-моему, так хорошо. А по-вашему?

.....
.....
И это для дятла такая наука,
что он никуда не заходит без стука.

.....
.....
С тех пор этот сом проживает на дне
И к праздникам шлёт телеграммы родне.

.....
.....
Сидит итальянка, печальная с виду,
Сосёт апельсин и глотает обиду.

.....
.....
С тех пор он жил на острове в печальном одиночестве
Детей не знал по имени, но вспоминал по отчеству.

.....
.....
И вот с этих пор так и бродим в потёмках.
Ну, ладно, потомки поймут. А потом как?

Сегодня популярность мухиных «Начало следует» среди бывших детей и будущих взрослых вышла далеко за пределы ЦДРИ, Москвы и бывшего СССР. Но мало кому известно, что когда-то именно участие в наших московских «Праздниках» побудило Ренату Муху создать этот жанр, а сами «Праздники поэзии и сказки» зародились в литературной студии харьковского Дворца пионеров, частым и желанным гостем которой была Рената Григорьевна.

О рождении этого жанра стоит рассказать подробнее.

Одной из самых любимых игр моих литстудийцев всех возрастов — от первоклассников до их родителей — было дописывание стихов. Предлагалась первая строка неизвестного участникам «неоконченного» двустишия, обычно — юмористического. Например:

Щука щуку укусила...

Нужно было закончить двустишие. Дети придумывали смешно и не очень:

...За обиду отомстила.

...Да, в цене у рыбок сила!

...Разрешенья не спросила.

...И прощенья попросила.

...И добавки попросила (!).

(К слову, когда позже я предложил это же задание в Каминном зале, одна взрослая зрительница выкрикнула с места:

...Коммунизм — большая сила.

И хотя ЦДРИ находится рядом с Лубянской, никто не настучал...)

Вариантом игры было «Допиши две строки!». Придумывали, например, завершение к началу четверостишия, которое написала Нина Фидря, когда училась в пятом классе и занималась в нашей студии:

В зоопарке бегемот
Проглотил ежа. И вот...

Требовалось добавить две строчки, чтобы получилось смешно.

Решения были разнообразными:

...Поднял он ужасный крик —
К острой пище не привык.

...Повезли его в больницу,
Стали резать поясницу.

...Бегемот всюду хохочет:
Ёж ему нутро щекочет!

Подлинник Нины Фидри завершался так:

...Целый день касторку пьёт
И ревёт... как бегемот.

Дописывали строчки из Олега Григорьева:

Вдоль реки бежал Аким,
Был Аким совсем сухим...

И из Н. Кордо:

В ручеёк смотрит лось.
Удивляется небось...

Для справки приведу завершающие пары строк подлинников:

...Побежал он поперёк —
Весь до ниточки промок.

...Небосвод,
Месяц,
Лось...

И откуда всё взялось?

Конечно, вскоре в ход пошли двестиштыри Ренаты Мухи.

Стоит собака у столба
И утирает пот со лба...

*...А на столбе соседский кот
Себе со лба стирает пот.*

Еду я, еду верхом на коне,
Не знаю, что думает конь обо мне.

*Вот если бы ехал бы конь бы на мне,
Я знал бы, что думаю я о коне.*

Реночкины двестишия оказались чудесными изюминками из отсутствующей булки. Они вызывали у слушателей чувство творческого голода, подобно мухиному бутерброду без хлеба: каждому, кто их слышал, не терпелось собственноручно испечь с ними недостающую булочку. При этом играющие нередко нарушали правила игры «Допиши две строки!» и выходили за пределы четверостишия. Однажды и у меня из Реночкиного «начала»: «Жил на свете муравей — / Без ресниц и без бровей...», — получилась история в восемь строк:

Жил на свете муравей —
Без ресниц и без бровей.

*Он терпеть не мог девиц
Без бровей и без ресниц.*

*Потому у муравья
Были только сыновья:*

*Сорок восемь сыновей —
Без ресниц и без бровей.*

Помню, как впервые прочитал эти стихи Рене. Мы шли из Дворца пионеров в университет по краю площади Дзержинского. Услышав про девиц без бровей и без ресниц, Рена ойкнула и остановилась, привлекая внимание прохожих. Мне тоже пришлось притормозить и дочитать историю, стоя на месте. Дослушав, Рената, продолжая стоять и не обращая вни-

мания на людей вокруг, издала своё фирменное «о!-О!!-О!!!»
А потом резко посерьёзнула и сказала сурово:

— Вадик, это — стихи.

Так у нас с Реночкой появились первое совместное стихотворение — «Безбровая история о муравье». Потом были две песенки со слонёнком и другие стихи. Обычно всё начиналось с мухиной изюминки. Причём изюминки эти, далеко не всегда рифмованные, явно были частями уже существовавших где-то стихов, ещё никем не обнаруженных.

— В девятиэтажном доме на десятом этаже, — произнесла однажды Рена, когда мы пили чай в Москве у нашего общего друга добрейшей Стеллы Морисовны Бондаренко. И минут двадцать обе дамы разговаривали между собой шёпотом, чтобы не помешать мне выловить из ниоткуда завершение песенки бродячих кошек:

В девятиэтажном доме
на десятом этаже
никого не селят,
кроме...

Никого не селят,
кроме...

Никого не селят,
кроме

тех,
кто там
живёт
уже.

Наши совместно написанные стихи мы стали публиковать под двумя именами. В двух общих книгах, которые вышли у нас с Реночкой и включали как стихи Рены, так и наши совместные и мои, авторство каждого произведения указывалось в оглавлении. Кроме того Рена включала наши совместные стихи поч-

ти в каждый свой авторский сборник. Тогда она непременно помечала в сносках: «В соавторстве с Вадимом Левиным».

Но вернусь к рождению жанра «Начало следует». Вскоре после периода «начал» в творчестве Ренаты Мухи наступила эпоха двустрочных концовок к будущим стихотворениям:

...Пожалуйста, я откажусь от короны,
Но дайте сначала доесть макароны.

...Ещё Осьминог собирался к миноге,
Но тут, к сожалению, кончились ноги.

Одна из этих концовок подсказала мне стихотворение, которое вошло в нашу с Реной копилку совместно сочинённых стихотворений:

*Сегодня доволен собой Осьминог —
Чудесно провел он воскресный денек:*

*В футбол наигрался —
Передней ногой.*

*Хороших знакомых проведал
Другой.*

*А Третья
каталась в лесу дотемна —
Катанье на лыжах любила она.*

*Четвертая
тоже любила кататься,
Но все же отправилась с Пятой на танцы.*

*Шестая
весь день просидела в кино.
Седьмая играла с Восьмой в домино.*

*Ещё Осьминог собирался к миноге,
Но тут, к сожалению, кончились ноги.*

И вот, когда мухиных двустиший, которые должны были начинать или завершать стихи, накопилось довольно много,

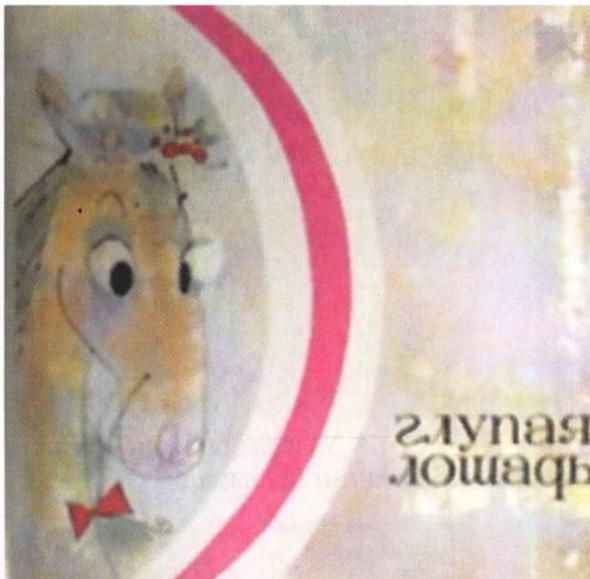
Рената Муха и Вадим Левин в магазине «Поэзия» — популярном культурном центре Харькова в 1960-е годы.
Одно из первых совместных выступлений соавторов

Рената Муха и Вадим Левин.
Встретились, разговорились.
Харьков. 1960-е годы

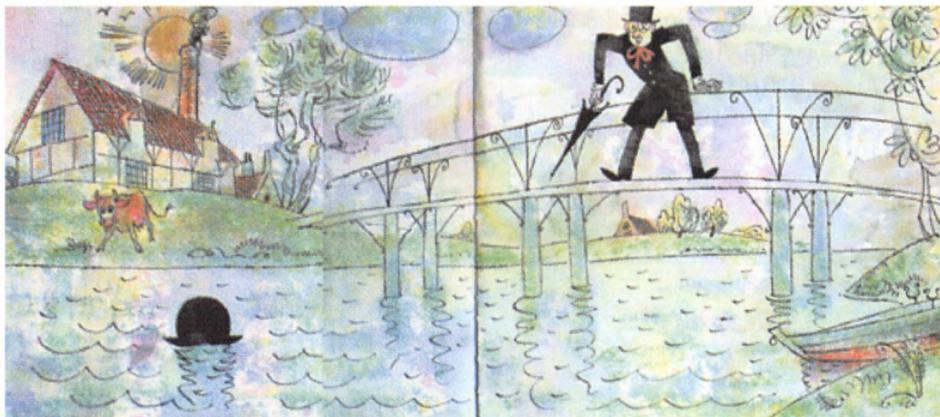

Рената Муха и Вадим Левин.
Рената: «Фотография должна быть выразительной...»

Книга Вадима Левина
«Глупая Лошадь».
Иллюстрации Спартака
Калачёва.
Новосибирск. 1969 г.

Рената Муха и Вадим Левин с «Глупой Лошадью» —
на кухне Ренаты

Мост через речку Уз в изображении Спартака Калачёва, который никогда в Британии не бывал

Рената Муха на мосту через речку Уз демонстрирует иллюстрацию Спартака Калачёва к строчкам Вадима Левина:

*Джон Фул — профессор трёх наук —
спешил в Карлайл из Гулля
и в речке Уз увидел вдруг
коллегу — Клайда Буля.*

(Любительский снимок из домашнего архива В. Левина)

Виктор Персик всегда был в полном контакте со слушателями любого возраста

Вадим Левин и Виктор Персик ведут «Праздник поэзии и сказки для младших школьников» в Каминном зале ЦДРИ СССР. 1970-е годы

Вадим Левин представляет маленьким москвичам Ренату Муху.
1970-е годы

Каминный зал располагал к общению по-домашнему. 1970-е годы

Отдых — прекрасное время для работы. Рената Муха и Вадим Левин в лесу у Салтовского водохранилища, под Харьковом. 1986 г.

Тоненькая книга с длинным названием: Полли Камерон, Рената Муха, Вадим Левин «Про Глупую Лошадь, Забывчивую Сову, Братьев-Бегемотов, Кота-который-не-умел-мурлыкать и Котенка-который-думал-что-он-тигр» (Москва, Одесса, 1993)

Рената Муха среди упаковок с экземплярами своей первой самостоятельной книги «Гиппопоэма»: «Автограф — произведение ответственное». Беэр-Шева. 1998 г.

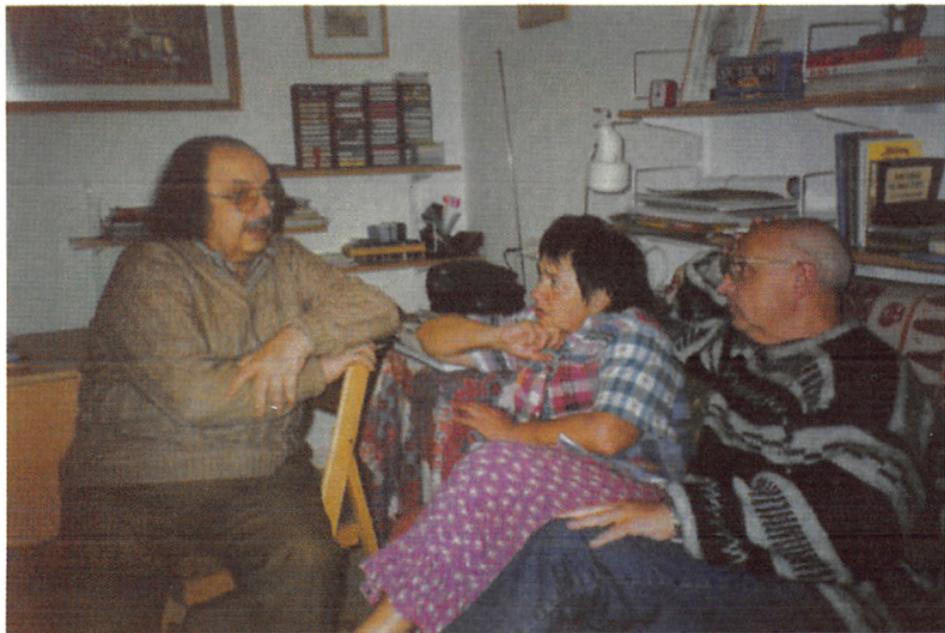
Рената Муха и Вадим Левин за работой: «Как тебе такая мысль?» — «Надо подумать...» Беэр-Шева. 1998 г.

Рената Муха и Вадим Левин за работой: «Есть идея!»
Беэр-Шева. 1998 г.

Рената Муха и Вадим Левин за работой, а «Папа Вадик» с
фотоаппаратом отвлекает. Беэр-Шева. 1998 г.

В гостях у Ренаты Мухи Феликс Кривин и Вадим Левин

Рената Муха и Вадим Левин в доме Игоря Улогова.
г. Холон. 25.02.2000 г.

Книга песен
Талы Гординой
«Бывают
в жизни чудеса».
Цфат. 2000 г.

Вечер памяти поэта Владимира Орлова. Тель-Авив. 2000 г.
Вверху: выступает Рената Муха; сидят (слева направо) Вадим
Левин, Феликс Кривин, Леонид Сорока и сын поэта Юрий Орлов.
Внизу: выступает Феликс Кривин

В Доме детской книги (Москва, Тверская) после совместного выступления Ренаты Мухи и Вадима Левина 21 мая 2001 года. Слева – Дина Рубина

Москва, май 2001 г. В гостях у Дины Рубиной, когда она работала культурным атташе «Сохнута» в России. Рената Муха стоит, сидят — Вадим Левин, Дина Рубина и её муж Борис Карафелов

Книга Вадима Левина
«Куда уехал цирк»,
в которую включены
стихи, написанные
совместно с Ренатой
Мухой.
Харьков. 2001 г.

БЕЗБРОВЫЙ МУРАВЕЙ

стихи
дуэтом
с Ренатой
Мухой

Стихи, написанные
совместно с Ренатой
Мухой, в книге
«Куда уехал цирк»
помещены в раздел
«Безбровый муравей»
с подзаголовком:
«Стихи дуэтом
с Ренатой Мухой»

Вадим Левин читает пародии на «Лося» Ренаты Мухи. Рена смеётся громче всех. Хайфа. 2005 г.

Книга песен Владимира Живова
«Уики-Вэки-Воки» на стихи
Ренаты Мухи и Вадима Левина...
(Москва, 2008)

Книга «Между нами»
(Москва, 2009)
адресована детям.
С одной стороны

Но с другой стороны — это книга
для взрослых

Моему мужу Вадиму
и моему мужу Вадиму
с любовью, благодарностью и ужасом
при мысли о том, что я могла бы не
ее встретить в жизни.

Рената (Ткаченко - по мужу
Вадиму)
Ткаченко)
(Муха - по мужу
Вадиму Левину)

2.02.2000
Беэр-Шева

Автограф Ренаты Мухи на книге «Гиппопопема», посвящённой
Вадиму Ткаченко и подаренной Вадиму Левину

Рената Муха и Вадим
Левин рассматривают
«Гиппопопема»
и радуются.
Беэр-Шева. 1998 г.

назрело время родиться новому жанру. И он родился. Случилось это в поезде Харьков — Москва в те самые 70-е. По дороге в Москву мы с Реной придумывали очередной номер, с которым Муха выступит на очередном «Празднике поэзии и сказки» в ЦДРИ. Как подать Мухины концовки нашей аудитории?

— Давай сначала я расскажу, как мы с тобой пытались сочинять стихи вдвоём...

— ...Кооператив поэтов! — перебила Рена. Тогда кооперативы входили в моду.

— Может быть. Мы договорились: я сочиняю первые строчки, а ты последние... Но так как я сочиняю медленно, ты не смогла меня дождаться, а насочиняла окончания впрок. И сегодня мы читаем «наши стихи» вдвоём, только вместо моих ненаписанных строк я буду отстукивать их ритм хлопками, а ты будешь читать свои концовки.

— Начало следует! — выкрикнула Рената. И придуманный ею жанр получил название.

Уже на первом выступлении со стихами «Начало следует» в Каминном зале выяснилось, что жанр побуждает читателя придумывать «недописанные» начала, открывая возможности для подлинного «стихо-сотворчества народных масс». Я хлопал первые строки, Реночка прочитала загадочное:

...И это для дятла такая наука,
Что он никуда не заходит без стука.

Публика, мгновенно включившаяся в игру, задумалась. И вдруг из зала раздался голос Вероники Долиной:

С утра этот дятел сидел на трубе,
Соседи о нем донесли в КГБ.

Зал грохнул смехом и аплодисментами. И опять не нашлось ни одного дятла, который настучал бы в соседний дом. Такая вот удивительно порядочная была аудитория. И такой удивительно заражающий жанр.

Совсем иной характер оказался у жанра «Недоговорки», который тоже ввела в литературу Рената Муха. Не знаю случая, чтобы кто-нибудь удачно дописал хоть одну Реночкину миниатюру в этом жанре. Думаю, никому это и не удастся. Потому что договаривать «Недоговорки» не нужно.

Как-то раз у Короля
Не хватило денег для.

Как-то раз в одной Стране
Все решили больше не.

Прелесть этих двестишней в том, что они не допускают продолжения, они должны оставаться многозначными, содержащими не один намёк, а возможность бесконечного разнообразия продолжений. Потому в конце миниатюр стоит не многоточие, а точка. Изящество, новизна и необычность этого жанра, созданного Ренатой, исчезнет, если читатель усмотрит в них незаконченные произведения.

А вот стихи «Начало следует» позволяют читателю стать подлинным соавтором: найти такие «начала», которые придадут неожиданный смысл двестишию, предложенному Ренатой. Как это получилось, например, у режиссёра Самария Зеликина, который к строчкам Рены «Теперь он питается разными кашами, / По-моему, так хорошо. А по-вашему?», придумал такое начало:

*С яслей ненавидел он манную кашу
И с этим покинул он Родину нашу.*

В сотворчество с Мухой включился даже Игорь Губерман. Он очень по-своему, по-губермански, дописал начало к безобидному двестишию Ренаты:

*Сидит итальянка, весёлая с виду,
Сосёт апельсин и глотает обиду.*

Вариант Губермана, не рассчитанный на детское восприятие, приводит Наталья Рапопорт в своих воспоминаниях «Моя Рената» (см.: <http://7iskusstv.com/2010/Nomer9/Rapoport1.php>).

Рена, Лёша, Папа Вадик и «Эврика»

По-настоящему мы знали друг друга немногим меньше пятидесяти лет, и из них сорок три года мы были одним целым, даже когда оказывались далеко друг от друга.

Вадим Ткаченко. «Это было, и случилось, и произошло» (<http://magazines.russ.ru/ier/2009/31/tk18.html>)

Когда в жизни Реночки на пятом или шестом году нашей дружбы появился новый Вадим Александрович и Рената Муха превратилась в Ренату Ткаченко, мы подружились семьями. Очень скоро Вадим Ткаченко стал Папой Вадиком, а я из Вадима превратился в Просто Вадика. Ещё через пять или шесть лет родители Ткаченко привели ко мне в младшую группу детской литературной студии своего Лёшу.

В моей книжке «Воспитание творчества» (М.: Знание, 1977) сохранился эпизод, связанный с сыном Ренаты и Вадима. На одном из занятий, когда малыши «открыли» для себя звукопись, дети получили домашнее задание. Я попросил их придумать историю, например, о корове, или о скрипучей двери, или о громе, или о барабане. В этой истории нужно использовать «мычащие», «скрипящие», «гремящие», «лающие», «визжащие» и другие звучные слова. На следующей нашей встрече автор расскажет свою историю, не называя главного её героя. А мы по звучанию должны будем героя угадать.

Лёша Ткаченко придумал историю, которую рассказывает одна Маня:

— Меня зовут Маня. Но когда у меня спрашивают, как меня звать, я говорю: «Му-у-ня». Я люблю му-учное и мо-олочное. Меня кусают мо-ли и му-ухи, и я говорю: «Какое му-у-учение».

После занятий мама Муха-Ткаченко рассказала мне:

— Лёша всё придумывал сам, но в его истории было много лишнего. Он рассказывал её мне несколько раз, а я просила повторить те кусочки, которые показались мне удачными. Их он и запомнил.

Такой вот авторский педагогический приём поощрения детского творчества.

Лёшу забирал с занятий Папа Вадик. Кажется, в то время он уже был кандидатом наук и преподавал математику в университете. В хорошую погоду после занятий мы втроём обычно прогуливались по саду имени Шевченко и разговаривали с Вадимом не только о Лёше, студии, но и о педагогике вообще. Однажды заговорили о педагогических принципах.

— Есть один педагогический принцип, из которого вытекают все остальные, — сказал Вадим и сформулировал лаконично и точно: — Не нужно врать детям.

О принципе Вадима Ткаченко я напомнил Ренате, когда она столкнулась с небанальной педагогической проблемой. Случилась это уже в конце восьмидесятых.

Незадолго до этого на один из «Праздников поэзии и сказки для младших школьников» заглянул председатель московского Клуба молодых творческих учителей «Эврика» Саша Адамский. Юный учитель физики Александр Изотович Адамский к тому времени стал сотрудником прогрессивной «Учительской газеты», энергично собирал вокруг газеты творческих педагогов и возглавлял клуб молодых коллег в том же ЦДРИ. После «Праздника», в котором участвовала в тот раз и Рената, Саша предложил нам с Реночкой подать заявку на участие в Днях творческих уроков, задуманных клубом «Эврика». На этом педагогическом фестивале нужно было дать открытый авторский урок, который был бы интересен коллегам-учителям.

Рената Григорьевна была педагогом-новатором, изобретателем методических приёмов и прекрасно преподавала сту-

денткам методику английского языка, но в школе до этого не работала. До фестиваля оставалась пара месяцев, и я посоветовал Рене провести для пробы изобретённый ею «сказочный урок». На этом уроке, по замыслу Мухи, учитель читает детям подлинную английскую сказку о гусенице, не переводя ни слова на русский и ничего не адаптируя. И это в пятом классе, где английский язык учат меньше года. По ходу чтения учитель на английском языке предлагает пятиклассникам различные задания, связанные с событиями сказки, и дети должны отвечать тоже только по-английски. Я слышал, как выразительно читает эту сказку Рената, и был уверен, что у неё всё получится.

А чтобы дети даже не подумали переходить на русский, Муха решила выдать себя за гостью из Лондона, которая по-русски не понимает ни слова. Тут я засомневался:

— Мне кажется, этого делать не стоит...

— Почему?

— Не нравится мне это. Ты нарушаешь принцип Вадима Ткаченко.

— Но им же будет интересней с учительницей из Лондона. Представляешь, как дети выложатся, сколько вспомнят, угадают, запомнят!

Конечно, этот и другие наши диалоги с Ренатой я пересказываю приблизительно, но за точность передачи позиций ручаюсь.

— Что в этом плохого? — допытывалась Муха.

— Не знаю. Но что-нибудь будет не так... Нельзя безнаказанно нарушать принцип В. Т.

Урок получился. Ребята загорелись и работали азартно. Рене всё удалось. Но рассказывала она мне о своём эксперименте озабоченно и огорчённо. Оказалось, что после урока дети стали подходить к «гостье из Лондона» и передавать для лондонских школьников рисунки, открытки, письма.

— Эта школа в моём районе. Я представила себе, что будет, если кто-нибудь из тех пятиклассников увидит меня в троллейбусе — а я разговариваю по-русски. Что делать?

— Думаю, выход один: ты должна сама пойти в школу и объяснить детям, что сыграла англичанку, чтобы урок получился интересней.

Рена так и сделала. Я позвонил ей, чтобы узнать, как прошёл разговор. Реночкин ответ я запомнил дословно:

— Дети ничего мне не сказали. Но глаза у них погасли.

Пробные занятия оказались обучающими не только для детей. 22 февраля 1987 года мы с Мухой поехали в Москву на Дни творческих уроков. В поезде продолжали обсуждать, как, не обманывая детей, побудить пятиклассников-москвичей разговаривать с приезжей учительницей исключительно по-английски.

— А что если я сразу честно скажу ребятам: «Я прочту вам интересную английскую сказку, но при условии, что вы будете говорить только по-английски»?

— Боюсь, большинство детей предпочтёт молчать по-русски.

— Так отказаться от урока?

— Ты что? Урок замечательный, эффективный, красивый. Нужно только придумать зачин с интригой.

Спорили допоздна. Решение пришло утром. А днём, прежде чем Муха начала свой урок, я рассказал пятиклассникам о том, как по дороге из Харькова в Москву мы поспорили:

— Рената Григорьевна утверждала, что во время этого урока учительница будет говорить только по-английски, а вы будете отвечать ей так же. И все вместе произнесёте за 45 минут не больше трёх слов на русском. А я считаю, что вы слишком мало занимались английским языком и непременно заговорите по-русски. Или будете только молчать. Помогите мне выиграть спор — не напрягайтесь: если захочется говорить

по-русски, так и говорите! Или вообще не отвечайте Ренате Григорьевне!

Когда в конце урока я поднял обе руки, признавая себя побеждённым, пятиклассники и гости зааплодировали Мухе. Слух о «сказочном уроке» мгновенно облетел участников Фестиваля, и за пять минут до звонка с перемены Рену попросили повторить урок для тех, кто на него не попал. Реночка согласилась дать ещё один урок, но уже по другой сказке. И этот урок закончился аплодисментами учителю.

— Сколько времени вы готовили этот урок, — спросила у Мухи корреспондент «Учительской газеты».

— Пять минут, — искренне ответила Рена. — И всю жизнь.

Дни творческих уроков, собравшие более двухсот человек — москвичей и приезжих, учителей, школьников, учёных, журналистов и студентов — превратились в незапланированный праздник, небывалый Педагогический фестиваль, который заочно, благодаря репортажам в «Учительской газете», посетили десятки тысяч читателей. Как-то само собой возникло жюри («Эвриканское жюри») — большой открытый общественный совет, в котором рядом с докторами педагогики и психологии, сидели известные и молодые журналисты, заслуженные и начинающие учителя, а также студенты и старшеклассники, ученики педагогических классов школы Н. Тубельского. Это «Эвриканское жюри» обсудило все уроки и выделило десятку учителей, признанных «находкой фестиваля».

Рената вошла в эту почётную десятку. «Учительская газета» опубликовала интервью с ней. А через некоторое время из редакции Мухе переслали пачку адресованных ей читательских писем. Самое своеобразное и запоминающееся пришло из Белгорода. В нём искренняя (по-видимому, строго следующая принципу Вадима Ткаченко) начинающая учительница английского языка, смело ступившая на путь педагогического творчества, сообщила:

— Дорогая Рената Григорьевна, я стала вашей последовательницей — я тоже *не готовлюсь к урокам*.

— Нам не дано предугадать, как наше слово отзовётся, — прокомментировала это письмо Рена.

К слову, Вадим Ткаченко формулировал принципы не только педагогические, но и поведенческие — специально для Ренаты. Когда Муху однажды вызвали то ли на партком, то ли на местком, Папа Вадик попросил:

— Реночка, только ты там, пожалуйста, не остри — не у каждого человека есть чувство *твоего юмора*...

Четвёртой была Мышка (Картинка с Евгением Мониным)

*Я знаю домишко —
холодный заброшенный дом,
возле моря
я знаю
замёрзший покинутый всеми домишко.*

*Если был бы я мышкой
и мышкою жил в доме том,*

*какою я был бы
замёрзшей покинутой мышкой.*

«Домик у моря» — пересказ
с английского Вадима Левина

Конечно, объективно четвёртым был я. Мышь как раз всегда там жила — в этом деревянном домике, который именовался старинным словом «Строение» и вместе с этим словом доживал свой век среди пяти- или шестиэтажных кирпичных домов в московском внутреннем дворе в районе Садового кольца.

В Строении размещалась мастерская художника Евгения Монины. Он в этом домике был вторым. Третьей оказалась давняя знакомая Жени, харьковчанка Рена Муха, которая жарким летом какого-то навсегда ушедшего года привела сюда меня, четвёртого, чтобы познакомить с хозяином мастерской.

В мастерской было прохладно, светло и просторно. Судя по зияющим щелям между сухими досками деревянного пола, Строение смирилось со своей судьбой и уже не надеялось на ремонт. Эти удобные щели, по-видимому, достались Мышке по наследству — вместе с домом и подполом, где Мышка обычно спала или размышляла в уединении. Через одну из щелей, которая служила дверью из спальни в мастерскую, хозяйка

вышла к гостям, когда на низенький столик Женя поставил тарелки с нарезанным угощением — сыром и колбасой — и пригласил нас к чаю.

Мышка скромно подошла к Мастеру, остановилась около него и стала прислушиваться к нашей беседе. Женя, который в это время рассказывал о чём-то, отломил кусочек сыра и, не глядя на Мышь, но вполне уважительно пригласил хозяйку к общей трапезе, опустив руку с сыром к полу. Зверёк спокойно взял свою порцию и стал неторопливо есть. Изредка Мышь поглядывала на нас, но больше слушала Мастера. Когда все допили чай, Мышка ещё с десятков минут оставалась с нами, а потом незаметно (по-английски!) удалилась...

Мы показывали художнику наши стихи. Кажется, Рената читала ему нашу стихотворную англо-русскую историю о том, «Как английская кошка и английская мышка играли в CATS AND MICE, то есть в кошки-мышки». Эту историю, навеянную стихами Ефима Бейдера, мы ему и посвятили. При жизни Реночки стихотворение так и не было опубликовано. И наша книжка с иллюстрациями Евгения Монины, о которой мы тогда говорили, тоже так и не вышла. А вот картинка «Художник и Мышка» осталась со мной навсегда. Может быть, поэтому позже, уже в Харькове, когда Рената читала мне английские подлинники стихов с мышками «Кто дома?» и «Домик у моря», я снова почувствовал себя в мастерской Евгения Монины, в домике, названном Строением.

Кто дома?

(По мотивам Элизабет Флеминг)

«Замок. Всё ясно: никого нет дома!»

— Такое рассужденье нам знакомо...

Ну, важно ли, что на дверях — замок? —
из-под кровати проворчал Щенок.

— Ничуть! —
решил Котёнок на ковре.

— Ничуть! —
Мышонок подтвердил в норе.

— Ничуть! —
сказала Муха на стене.

— Ничуть! —
вдохнула Бабочка в окне.

— Ничуть! —
шепнул Паук на потолке.

— Ничуть! —
пропел Сверчок на чердаке.

— Что за нелепость: «Дома — никого»?!
Да все мы дома! Все до одного!

Если в моих пересказах этих стихов вы ощутили покой, прохладу и уют Строения, в котором дома все до одного, то спасибо Ренате Мухе, художнику Евгению Мониному и его Мышке.

Очень хочется верить,
что эти книги продлили её жизнь

*Кому — покой, кому — разбой,
кто славой жив, а кто — зарплатой,
а я-то — помни! — жив тобой —
моей сестрой, моей судьбой,
моим соавтором
Ренатой!*

Эти стихи я читал Реночке, Ренате Мухе по телефону из Марбурга — 31 января 2009 года, в день её рождения, не желая верить в то, что он станет её последним днём рождения, который мы отметим при ней. Читал как заклинание. Она была измучена болезнью и лечением, совсем ослабла. Но до этого Рена столько раз возвращалась к жизни, когда врачи считали её положение безнадежным... Она справится и сейчас, нужно только помочь ей. ***А помогают Ренате новые замыслы, новые планы, новая работа.***

В августе 2008 года, за год до ухода Ренаты, мы сдали в издательство рукопись нашей второй совместной книги. Далась она нам нелегко. Мы давно хотели собрать наши стихи в одну общую толстую книгу, и вдруг владелица московского издательства «Октопус» Вера Байдак предложила Мухе подготовить большой сборник её стихов «Между нами». Это название предложила Вера — по строчке нашего общего с Реной стихотворения. Причём рукопись нужно было сдать в считанные месяцы. Рена позвонила мне и сказала, что сама за эту работу не возьмётся. Тем более что Вадим Ткаченко, муж и верный друг Ренаты, вообще против того, чтобы Реночка сейчас чем-либо себя нагружала. Я пообещал ему, что основную нагрузку при подготовке книги возьму на себя, а соавтору оставлю только то, что будет ей в радость. Вадим согласился, и мы с Ренатой взялись за работу.

Книгу, соответствующую названию «Между нами», нужно было придумать — представить себе, какой она должна быть. Потом следовало подобрать для задуманной книги стихи и сказки, которые у нас с Мухой уже были написаны. Потом, может быть, что-то редактировать и дописать. Дальше предстояла работа с редактором, художником, дизайнером. И на всё это у нас было чуть больше полугода.

Знакомый старший научный сотрудник, кандидат технических наук — моя жена Элла Островская — посоветовала мне составить сетевой график и ни на неделю не отставать от него. Так я и поступил, за что спасибо жене — иначе книга не состоялась бы.

Ко второй совместной книге мы с Реночкой шли много лет. Мне даже кажется, что замысел второй книги содержался уже в той тоненькой книжке трёх авторов (Полли Кэмерон, Рената Муха, Вадим Левин), которая в 1993 году вышла под длинным названием «Про Глупую Лошадь, Забывчивую Сову, Братьев-Бегемотов...» и т. д. Сформулирован замысел был так:

У каждой детской книжки есть свои секреты. Одни — от детей, другие — от взрослых. Поэтому детям и взрослым хорошо бы читать вместе, чтобы помогать друг другу.

Мухе, совмещавшей в себе поэта и методиста, понравилась идея издать книгу, адресованную и детям, и взрослым. В результате под одной обложкой оказались две книги. В первую, «Между нами», вошли стихи и сказки, написанные нами совместно и порознь. По нашему замыслу, эту часть книги детям прочтут взрослые. Вернее — взрослые прочтут вместе с детьми. А потом дети захотят перечитывать самостоятельно. Вторая книга, «Между нами, взрослыми», должна рассказать взрослым о том, как читать с детьми, получая от этого удовольствие и радуя детей. В эту часть мы наметили включить мой педагогический очерк для родителей о том, как приобщать малы-

ша к чтению с первых дней жизни до 11—12 лет, и рассказ Ренаты о её «сказочном английском».

Дальше я отобрал Реночкины, свои и наши стихи и сказки, подходящие для «детской» части книги, компоновал их и кое-где редактировал. А Рена в это время готовила материалы для второй части: переводила с английского книги о детском чтении и присылала мне рефераты своих переводов.

Варианты компоновки стихов и мою редакторскую правку (изменённые мной строчки или названия стихотворений) я посылал Вадиму e-mail'ом, он распечатывал, Рената читала. Обсуждали только по телефону. На мои звонки отвечал Вадим. Я спрашивал, как Рена. Он был лаконичен. Когда Рената была в состоянии разговаривать, Вадим передавал ей трубку. Реночка начинала разговор с трудом, но всегда — подшучивая над собственным состоянием, остроумно описывая совсем не смешные ситуации. К концу разговора её голос обычно становился бодрее. Несколько раз Реночка говорила мне, что работа над книгой поддерживает её.

С моей правкой Муха соглашалась далеко не всегда и, вероятно, была права. Приведу только три примера.

У Ренаты есть двестише «Встреча Осьминогов»:

Один осьминог подошёл к осьминогу
И в знак уваженья пожал ему ногу.

Я предложил ей развернуть это в историю «Осьминог без сапог»:

Один осьминог износил сапоги
И, встретив другого, сказал: «Помоги!»

Другой был широкой души осьминог:
Он первому отдал последний сапог!

Тогда осьминог подошёл к осьминогу
И в знак уваженья пожал ему ногу.

Рената сказала:

— Это хорошие стихи, но не мои. Можешь печатать их под своим именем.

Разумеется, именно исходное Реночкино двустишие вошло в «Между нами» под названием «Встреча».

Второй пример тоже связан с осьминогами, со стихотворением Ренаты «Семейная драма»:

В семье Осьминогов ужасная драма:
За ужином ссорятся папа и мама.
А бедные дети стоят на пороге
И просят родителей взять себя в ноги.

В электронном письме я предложил Ренате изменённый вариант, мотивируя его тем, что не всякая ссора — драма, даже если случилась за ужином. Кроме того, странно, что *бедные дети стоят на пороге*, когда папа и мама ужинают. А не лучше ли назвать историю «Дела семейные» и рассказать её так:

В семье Осьминогов ужасная драма:
О чём-то поспорили папа и мама,
И громко кричат, и не могут уняться,
И даже готовы, как дети, подраться.
А бедные дети стоят на пороге
И просят родителей взять себя в ноги.

Рена ответила по телефону:

— Не нужно редактировать эти стихи. Они уже публиковались в таком виде. Пускай в таком и остаются.

В таком виде (т. е. без моих правок) четверостишие и осталось в нашей книге.

Привожу эти примеры, чтобы показать, что при всей своей доброжелательности и миролюбии Рена могла быть жёсткой и несговорчивой, когда наши мнения не совпадали. По поводу стихотворения Реночки «Скачи, не волнуйся» мы вообще не сошлись во мнениях. Рена сочинила так:

Однажды холодным и ветреным
Днём
По пыльной дороге мы скачем с
Конём.
И вдруг на скаку я упала с
Коня,
И дальше мой Конь поскакал
Без меня.
А я в придорожной канаве
на Дне
Печально лежу у себя
на спине,
И ветер уносит мой голос
Коню
«Скачи, не волнуйся. Сейчас
Догоню».

Мне показалось, что в стихотворении есть неточности, но просить Рену что-либо исправлять я не мог. Предложил ей такой вариант:

Однажды во сне, в тишине, при луне
Я видел Коня
и меня
на Коне.
Скакал я и пел,
Что скачу я на нём
И что не хочу
Расставаться с Конём,
Вдвоём мы как птица летели во тьму,
И нравилось снится и мне, и ему.
Когда же во сне я свалился с коня,
Он дальше один поскакал без меня.

А я в придорожной канаве на дне
Печально лежал у себя на спине.

Но я не заплакал, а крикнул Коню:
«Скачи, не волнуйся.
Проснусь — догоню».

Рената отказалась от этой правки с уже знакомой мне формулировкой: «Это хорошие стихи, но не мои. Можешь печатать под своим именем». Мы решили не включать «Скачи, не волнуйся» в нашу книгу.

В общем, книжка далась нам непросто, но всё-таки рукопись я отослал в издательство вовремя. Обидно, что болезнь не позволила Ренате уложиться в жёсткие сроки, и заметки о «сказочном английском», которые Муха готовила в методическую часть нашей книги, не попали в «Между нами, взрослыми». Мы договорились, что позже вместе напишем книгу для родителей и педагогов о том, как стихи и сказки учат детей языку и языкам, и включим в новое издание эти материалы Ренаты. Горько думать, что новой книги не будет.

Незадолго до «Между нами» вышло ещё одно издание, составленное из стихов Ренаты, моих и наших общих. Это был для нас с Реночкой совершенно неожиданный и очень приятный сюрприз. Известный московский дирижёр-хормейстер, создатель знаменитого студенческого камерного хора «Гаудеамус», заслуженный деятель искусств России, профессор В. Л. Живов, прежде в сочинении музыки не замеченный, издал толстый, с красочными рисунками сборник своих детских песен «Уики-Вэки-Воки» на стихи двух авторов.

Владимир Леонидович в 70-е годы написал несколько песенок для дочки по книге «Глупая Лошадь», а в 2007 году, став прадедушкой, нашёл книгу Ренаты и объединил наши стихи, не зная о том, что мы давние друзья и соавторы. И это для нас с Реной было особенно приятно. Надписывая мне свой сбор-

ник, В. Л. себя признал «композитором со специфической «Левинско-Мухинской» ориентацией».

Но общая «специфическая ориентация» породила и путаницу: пять стихотворений («Про ноги осьминога», «Испуганная песенка слонёнка», «О том, как расстроился дом за углом», «Песенка про многоэтажный дом», «Большое путешествие Маленького Пингвина»), которые мы написали вдвоём с Реной, представлены в книге как стихи одной Ренаты Мухи. Случалось такое и раньше и всегда огорчало Муху. Так, в 2000 году в Цфате вышел сборник песен Талы Гординой «Бывают в жизни чудеса» с подзаголовком «Песенки для детей и родителей. Стихи Р. Мухи». Рена досадовала:

— Я ведь столько раз говорила Тале, что там есть стихи, написанные нами с тобой совместно!

Сходство наших почерков приводит к ошибкам и сейчас, после ухода Ренаты из жизни. Пример — упоминавшийся сайт «Общество памяти Ренаты Мухи» (<http://renata-muha.livejournal.com/882.html>), где Рене приписаны три моих стихотворения (кроме «Глупой Лошади», ещё «Уики-Вэки-Воки» и «Страшная история»). Представляю, как огорчилась бы она, узнав об этом. Рената Муха в подобных приписках никогда не нуждалась.

Но вернёмся к книге композитора. Сборник Владимира Живова сразу вошёл в репертуар детских хоров, и композитор прислал нам с Ренатой подарок — видеозапись концерта из песен на наши стихи в озорном и азартном исполнении музыкальных московских малышей. Бывают в жизни чудеса, как справедливо подметила Муха.

Она увидела наши последние книги, послушала концерт с песнями на наши стихи и порадовалась им.

— Ничего себе год, — сказала мне Рената о 2008 годе, когда я желал ей сил и здоровья в наступающем году. — Три операции, две большие книги и диск с песнями!

Мне очень хочется верить, что эти книги и песни на какое-то время продлили и украсили её жизнь.

Рената блистала, «как кусок хрусталя», по выражению Вероники Долиной, не только на сцене, но и на университетской кафедре, на телеэкране, перед микрофоном, в знакомых и незнакомых компаниях... Муха раскрылась множеством граней своего таланта: обаятельная рассказчица-импровизатор, поэт, педагог, внимательный собеседник... Но об одной грани таланта Ренаты знали только Вадим Ткаченко, её подруга-врач Тамара Веллер и ещё несколько самых близких Реночке людей: Рена Муха была человеком огромного мужества. Больше четверти века она боролась со смертельной болезнью, поражая друзей и врачей неправдоподобной жизнестойкостью и ироническим отношением к себе, к своим испытаниям, к смерти:

Мы смертны, и только Бессмертный Кашей
Считает, что это в порядке вещей.

Рената Муха как приключение

— Ну, как это — нет проблем?! Проблемы у вас, конечно, будут, но только с обедом и ужином — за завтраком я ем сравнительно мало.

Реплика Ренаты Мухи (из воспоминаний

Натали Рапопорт «Моя Рената» — см.:

<http://7iskusstv.com/2010/Nomer9/Rapoport1.php>)

Мы никогда не говорила с Реной об этом, но я уверен, она хотела бы, чтоб о ней вспоминали легко и весело. И я завершу свои заметки о Ренате её остротами и афоризмами, которые мне запомнились.

По одежке встречают

Свои бесчисленные больничные истории, каждая из которых могла оказаться последней, Рена рассказывала так, что слушатели не могли удержаться от смеха.

— Лежу я на столе. А из одежды на мне только шесть шрамов.

О совместительстве

Во времена, когда всё было дефицитом, Муха часто ездила из Харькова в хорошо снабжавшуюся Москву. И почти так же часто у неё там вытаскивали кошелёк с деньгами.

— Что поделаешь, — объясняла Рената, — московские воры считают, что работают у меня на полставки.

О вкусах

Врезался в память вопрос, который, заглядывая в свой полупустой холодильник, Реночка задала неожиданным голодным гостям:

— Кто любит полкотлеты?

О продовольственной программе

Малоизвестные стихи Ренаты Мухи, сочинённые в годы, когда из магазинов исчезли продукты.

Вечно всё под небесами,
Неизменен ход планет.
И у нас в универсаме
Всё как было, так и нет.

Об одиночестве

Это случилось *давным-давно и даже немного раньше, в дни, когда...* Дина Рубина ещё не успела написать: «Рената Муха — это приключение. И не всегда безопасное».

В один из своих приездов в столицу Рена позвонила известной переводчице Нине Демуровой, чтобы передать от меня привет. Нина Михайловна, не предупреждённая Диной Рубиной, но наслышанная о Мухе от меня, пригласила Реночку в гости с намерением «угостить необыкновенной Мухой» двух своих приятельниц из научных кругов.

Дальше слово Реночке — передаю её рассказ по памяти, как запомнил:

— Когда я пришла, оказалось, что в гостиной меня ждут две доброжелательные дамы весьма светского вида. Нина Михайловна познакомила нас и, когда завязался разговор, ввезла сервировочный столик с чаем и бутербродами с ветчиной. А я целый день бегала по Москве голодная. Но так как я понимала, что светских дам пригласили не на ветчину, а на меня, я со спокойной душой стала рассказывать о тёте Иде. Надеюсь, что ветчина никуда от меня не уйдёт. И ошиблась: хозяйка вдруг стала увозить столик! Я от неожиданности выкрикнула что-то вроде «Не надо!» Все три дамы посмотрели на меня, и я сообщила, что повела себя не по-светски, что нужно как-то оправдать свой испуг. Сказала первое, что пришло в голову:

— Мы все остаёмся здесь — ей в холодильнике будет так одиноко!

Рената всегда была самоиронична. Не припомню, чтобы Муха когда-нибудь обиделась на шутку.

Лось и К°

Осенью 2005 года, когда я гостил в Израиле, Реночка готовилась к своему вечеру в Хайфе и попросила меня выступить. Я рискнул почитать пародийные вариации на тему «Ну, дела! — подумал Лось. — Не хотелось, а пришлось».

— Ну, дела! — подумал Лось.

— Так хотел, а не пришлось.

— Ну, дела! — подумал Гусь.

— И хотел бы, да боюсь.

— Ну, дела! — подумал Рак.

— И хотел бы, но не так!

— Ну, дела! — подумал Змей.

— И хотелось, но не с ней.

— Ну, дела! — подумал Сом.

— И хотел бы, но потом.

— Ну, дела! — подумал Спрут.

— И хотелось, но не тут.

— Ну, дела! — подумал Йог.

— Так старался, но не смог.

— Ну, дела! — подумал Бык.

— И противно, а привык.

Вадим Ткаченко прислал мне фото, сделанные на этом вечере. На одном из снимков я читаю Реночке пародии на неё, а она глядит на меня и заливается смехом, сложив ладони у подбородка.

«Эврика»

В начале 1990-х на одном из фестивалей педагогического движения «Эврика» (в этих фестивалях мы много раз участвовали вместе с Реной) Муха переводила с английского иностранку-профессора. Докладчица выглядела бодрой и энергичной, хотя 80 ей уже явно миновало. Речь шла о проекте, рассчитанном на десять лет.

— За это время я выучу русский и о завершении проекта доложу вам на русском языке, — перевела Рената и, к удовольствию зала, забыв выключить микрофон, прокомментировала для меня (я сидел рядом): «А старушка верит в бессмертие».

Всегда начеку

Наш с Реной добрый приятель Александр Изотович Адамский, лидер «Эврики», позвонил как-то Реночке из США, но не рассчитал время:

— Рената Григорьевна, я вас не разбудил?

— Ну, что вы, Саша! Какой идиот спит в три часа ночи?!

Теория и практика

Мы с Реночкой довольно часто говорили о педагогике, о том, насколько учителя осознают цели образования, насколько цели педагогов совпадают с целями учеников и в каких случаях педагогические средства соответствуют целям, к которым стремится учитель или родитель. Но теоретизировать прилюдно Муха не любила и при каждом удобном случае демонстрировала это.

Как-то на «Эврике» её спросили:

— Рената Григорьевна, какие особенности вашей методики вы считаете самыми главными?

— Это вопрос не по адресу, — ответила Муха и обратилась ко мне: — Вадим Александрович, какие особенности моей методики я считаю самыми главными?

Критерий интеллекта

Однажды Рена сказала мне:

— На умные разговоры в компании я реагирую мгновенно и с удовольствием: как только они начинаются, я тут же засыпаю.

Определение гениальности

— Гений — это терпение. Окружающих.

Я долго писал эти заметки — почти два года. Писал не только как персонаж Реночкиных историй, но и как свидетель и участник большой части жизни Ренаты Мухи, свидетель и участник становления её творчества. Постарался вспомнить всё, что может быть интересно друзьям Ренаты и почитателям её таланта.

Буду рад, если моё послесловие к нашей ненаписанной автобиографии на двоих станет главой в книге о Ренате Мухе. Уверен, что эту книгу уже пишут те, кто любит и помнит Реночку. Так что...

...начало следует.

*1 августа 2011 г.,
Марбург*

Примечания

¹ Титулом «выступательница» наградил Ренату Игорь Губерман, когда впервые побывал на концерте Мухи.

² Вот как выглядел первоначальный вариант стихотворения Ренаты:

Бывают в мире чудеса —
Ужа ужалила Оса.
Его ужалила в живот,
Он очень долго плакал.
Вот.
А доктор Ёж сказал Ужу:
«Я ничего не нахожу,
Но всё же, думается мне,
Вам лучше ползать на спине,
Пока живот не заживёт».
Таков конец рассказа.
Вот.

Я только чуть-чуть подчистил стихотворение: заменил «в мире чудеса» на «в жизни чудеса» и «Он очень долго плакал» на «Ужу ужасно больно», чтобы слышнее стало жужжание. И убрал в последней строке «Таков конец рассказа». Муха все исправления приняла и тут же попыталась объявить меня соавтором!..

³ В первоначальном варианте Ренаты вторая и третья строфы «Проводов» выглядели несколько иначе:

А рядом с Вороной,
Чуть сзади и сбоку,
Её провожая,
Шагает Сорока.
И всё б это было
Совсем хорошо,
Если б их поезд
Куда-нибудь шёл.

К сожалению, в те годы Реночка не слишком заботилась об упорядочении своего архива и хранила проредактированные завершённые стихи вперемешку с первоначальными черновыми набросками. Поэтому в редакции она нередко отдавала то одни варианты стихов, то другие. Так случилось и с этим стихотворением.

⁴ Все пингины в любую погоду
С удовольствием прыгают в воду.
Так?

Почему не ныряет один
На рисунке у Лены пингвин?
А?

Может, он среди белого дня
Сочиняет стихи для меня?
Правда?

Вероятно, он с детства мечтал,
Чтоб стихи его я прочитал
Вам, ребята.

Содержание

«Об этом надо бы написать книгу...»	4
Счастливые калоши (начало лошадиной истории)	16
«Убери с лошади мою фамилию!» (продолжение лошадиной истории)	20
«Бывают в жизни чудеса»	26
Самоутверждающиеся калоши (продолжение лошадиной истории)	31
Лошадь без калош (окончание лошадиной истории)	34
Раньше, чем давным-давно	37
Час ученичества	40
От Персика до наших дней (начало длинной истории Маленького Пингвина)	44
«Storytelling» (окончание длинной истории Маленького Пингвина)	54
«Начало следует» — рождение жанра	58
Рена, Лёша, Папа Вадик и «Эврика»	67
Четвёртой была Мышка (Картинка с Евгением Мониным)	73
Очень хочется верить, что эти книги продлили её жизнь	76
Рената Муха как приключение	84
Примечания	89

Післямова до ненаписаної автобіографії на двох — так визначив жанр своєї нової книги відомий дитячий письменник Вадим Левін. Присвячуючи її пам'яті Ренати Мухи, свого багаторічного (познайомилися майже півстоліття тому!) співавтора і друга, автор легко і весело (як цього б хотіла сама Рената, впевнений Левін) згадає цю дивовижну жінку, завжди самобутню, святкову й непередбачувану.

Літературно-художнє видання

ЛЕВІН

Вадим Олександрович

СПІВАВТОР МІЙ КРИЛАТИЙ

Післямова до ненаписаної автобіографії на двох

(російською мовою)

Головний редактор *Є. В. Мезенцева*
Відповідальна за випуск *Л. І. Вакуленко*
Художній редактор *Б. П. Бублик*
Технічний редактор *Г. С. Таран*
Комп'ютерна верстка: *І. Л. Цибульник*
Коректор *Р. Є. Панченко*

Підписано до друку 28.10.11. Формат 70х108 ¹/₃₂.
Умов. друк. арк. 4,20. Облік.-вид. арк. 4,06.
Тираж 500 прим. Замовлення № 1-754.

ТОВ «Видавництво Фоліо»
Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців, виготівників
і розповсюджувачів видавничої продукції
ДК № 3194 від 22.05.2008 р.

61002, Харків, вул. Чубаря, 11
Електронна адреса: www.folio.com.ua
E-mail: realization@folio.com.ua
Інтернет-магазин www.bookpost.com.ua

Надруковано з готових позитивів у ТОВ «Видавництво Фоліо»
61002, Харків, вул. Чубаря, 11
Свідоцтво про реєстрацію ДК № 3194 від 22.05.2008 р.

КНИЖКИ ВИДАВНИЦТВА «ФОЛІО» ВИ МОЖЕТЕ ПРИДБАТИ:

склад-магазин у м. Києві
вул. Трьохсвятительська, 4
(044) 278-82-64
e-mail: foliokiev@kv.ukrtel.net

відділ роботи з роздрібною торгівлею
м. Харків, вул. Чубаря, 11
(057) 706-25-13
e-mail: market@folio.com.ua

Книга поштою
Книжковий клуб «Фоліо»
м. Харків, 61052, а/с 46
(057) 715-61-19 з 9.00 до 18.00
e-mail: club@folio.com.ua
Висилається
безкоштовний каталог.

гуртова торгівля:
ТОВ «Аргумент-Принт»
61005, м. Харків,
пл. Повстання, 7/8
(057) 7149-173, 7149-386
e-mail: topman2@argprint.com.ua,
info@argprint.com.ua

ТОВ «Видавництво Фоліо»
61002, м. Харків, вул. Чубаря, 11
(057) 700-44-29
e-mail: foliosp@kharkov.ukrpack.net
www.folio.com.ua

представництво в Києві
м. Київ, вул. Трьохсвятительська, 4
(044) 279-25-48
e-mail: foliokiev@kv.ukrtel.net

ВИДАВНИЦТВО «ФОЛІО» В ІНТЕРНЕТІ

Інтернет-магазин «Фоліо»:
www.bookpost.com.ua

Видавництво «Фоліо» —
сторінка на Facebook
«Facebook-магазин Фоліо» (перехід зі
сторінки видавництва «Фоліо» на Facebook)

Сторінка видавництва «Фоліо»
на LiveJournal
www.folio.ua.livejournal.com

Сайт подарункових ексклюзивних книг
«Фоліо»
www.elitbooks.com.ua

МАГАЗИНИ ВИДАВНИЦТВА «ФОЛІО»

м. Київ
«Книги Фоліо», магазин-склад
вул. Трьохсвятительська, 4
(044) 278-82-64
«Книгарня #1»
пр. Московський, 10
(біля виходу М Петрівка)
Книжковий ринок «Петрівка»
Центральний ряд, місце 25

м. Львів
«Книги Фоліо»
вул. Коперніка, 3, (032) 244-55-17

м. Харків
«Університетський будинок книги»
пл. Свободи, 6, (057) 705-20-66
Книжковий ринок «Райський уголок»
6-й ряд, місце 4

ОФІЦІЙНИЙ ПРЕДСТАВНИК У ЗАХІДНІЙ УКРАЇНІ

м. Тернопіль
Видавництво «Підручники і посібники»
вул. Поліська, 6а
(0352) 43-15-15; (0352) 42-10-21;
(0352) 43-10-31
E-mail: pp@pp.utel.net.ua
Сайт: www.pp.utel.net.ua

Магазини:
Книгарня «Ярослав Мудрий»
вул. Руська, 19
(0352) 52-45-06
Книгарня «Підручники і посібники»
вул. Грушевського, 23
(0352) 25-86-00

МАГАЗИНИ-ПАРТНЕРИ

Вінницька область

м. Вінниця

Магазин «Емпік»
ТРЦ «Мегамолл»
вул. 600-річчя, 17 (0432)65-91-88
Магазин «Емпік»
пл. Гагаріна, 2 ЦУМ (0432)55-08-48
Магазин «Кобзар»
пр. Привокзальний, 2/1
Магазин «Книгарня-Є»
пр. 50-ти річчя перемоги, 26 (0432) 26-59-04
Магазин «Дім книги»
вул. Інтернаціональна, 3/2
вул. Коцюбинського, 33а

Дніпропетровська область

м. Дніпропетровськ

Магазин «Емпік»
ТЦ Гранд Плаза
пр. К. Маркса, 67 д, (056) 371-28-56
Магазин «Емпік»
ТЦ «Вавилон»
вул. Маршала Малиновського, 2
(056)760-11-19
«КС»
ТЦ «Московський»
вул. Глінки, 24 (056) 726-53-14
«КС»
ТРК «Мост-сіті Центр»
вул. Глінки, 2, (056)790-30-57
Магазин «Арт-етаж»
(подарункові видання)
пр. Леніна, 11 (2-й поверх) (056)744-55-38
Магазин «КартоГРАФ»
ул. Леніна, 11 (0562)361379
Магазин «Білокижничка»
вул. Червона Площа, 3 (056)745-10-60
Магазин «Книги»
Ул. Вокзальная, 5
м. Дніпродзержинськ
Магазин «Книги»
вул. Шепетова, 4

м. Кривий Ріг

«КС»
пл. Горького, 10, 95 квартал (056)404-76-41
Супермаркет «Епицентр»
ул. Бькова, 33
Супермаркет «Ашан»
площа 30-річчя Перемоги, 1
Супермаркет «Фоззи»
Вечерний бульвар, 33

Донецька область

м. Донецьк

Магазин «Літера»
ул. Артема, 130 (062) 206-60-98
Магазин «Буклет»
вул. Артема, 160
Магазин «Читай город»
вул. Артема, 158-Б (062) 258-21-05
Супермаркет «Амстор»
пр-т Ильича, 23
ул. Стадионная, 3
ул. Соколинная, 38
ул. Землянская, 106

ул. Добровольського, 4
бульвар Шевченко, 41а

м. Горлівка

Супермаркет «Амстор»
ул. Леніна, 60А
ул. Пересыпкина, 19
м. Макіївка

Супермаркет «Ашан»

автомобільна дорога «Слов'янськ-Донецьк-
Маріуполь», 114 км.

м. Маріуполь

«КС»

«Будинок книги» в ТЦ «Браво»
вул. Металургів, 53 (0629) 41-06-96

Житомирська область

м. Житомир

Магазин «Бібколектор»
вул. Київська, 19 (0412)472752
Магазин «Бібколектор»
вул. Черняхівського, 12-А (0412)418726
«КС» в ТЦ «Сатурн»
вул. Московська, 16
Магазин «Книгоманія»
вул. Московська, 24 Б (0412) 42-25-41

Запорізька область

м. Запоріжжя

Магазин «Емпік»
пр. Леніна, 147 (061)270-00-89
Магазин «Літера»
пр. Леніна, 208
Книжковий супермаркет «Папірус»
ул. Гоголя, 32-32а (061)2226568
Супермаркет «Епицентр»
ул. Запорізька, 1в
Супермаркет «Ашан»
вул. Запорізька, 16.
Супермаркет «Амстор»
пр. Советский 13
ул. Новокузнецка 41
ул. Чаривна, 74
ул. Бородинская, 24
м. Бердянськ
«КС»
вул. Леніна, 28/16
Супермаркет «Амстор»
ул. Комунаров, 75
м. Мелітополь
«КС»
пр. Б. Хмельницького, 42 (0619)43-66-94

Івано-Франківська область

м. Івано-Франківськ

Магазин «Лілея»
вул. Незалежності, 18/2
Магазин «Книгарня Є»
вул. Незалежності, 31 (0342)72-25-02
Магазин «Дім книги»
вул. Тичини, 61
Супермаркет «Епицентр»
ул. Івасюка, 17
м. Калуш
Магазин «Наш Формат»
вул. Грушевського, 50/1 (067)342-11-79

Київська область**м. Біла Церква**

«КС»
вул. Гагаріна, 11 (04463)3-50-10
Магазин «Буквоїд»
вул. Гагаріна, 8/10 (04463) 5-84-98
вул. Таращанська, 191а, 2 поверх.
Торгова площа
(04463) 3-90-21

м. Бровари

«КС» «Будинок книги та медіа»
вул. Незалежності, 3 (0494)5-50-75

м. Буча

«КС» «Будинок книги та медіа»
ТЦ «Буча-пассаж»
вул. Жовтнева, 66а

м. Славутич

«КС» «Будинок книги та медіа»
Київський квартал, 130 (04479)2-34-13

Кіровоградська область**м. Кіровоград**

«КС»
вул. Карла Маркса, 51 (0522)35-20-16
Магазин «Українська книга»
вул. В. Чорновола, 46

Луганська область**м. Луганськ**

Магазин «Літера»
вул. Сосюри, 137
Магазин «Знання»
вул. Володарського, 59
Магазин «Глобус-книга»
вул. Радянська, 58
Магазин «Хороші книги»
вул. Челюскінців, 6 (0642) 71-81-40

Волинська область**м. Луцьк**

Магазин «Знання»
пр. Волі, 41
Магазин «Книги»
вул. Конякина, 37а
Магазин «Дім книги»
вул. Медведєва, 13
Магазин «Волинська обласна друкарня»
пр. Волі, 27 (0332) 24-41-73

м. Володимир-Волинський

«Культурний центр Е»
вул. К. Ковельська, 6 (0334) 22-19-57

с. Липини

Супермаркет «Епицентр»
вул. Окружна, 37

Львівська область**м. Жидачів**

Магазин «Українська книгарня»
площа Свободи, 5

Миколаївська область**м. Миколаїв**

Магазин «Емпік»
ТЦ «Магелан»
пр. Героїв Сталінграда, 13 (0512) 67-48-34
«КС» «Кобзар»
пр. Леніна, 122 (0512)55-20-51
«КС»
«Молода гвардія»
вул. Радянська, 3 (0512)35-12-86

м. Кременчук

Супермаркет «Простір»
пр. 50-річчя Жовтня, 96
Супермаркет «Амстор»
вул. Халаменюка, 7
Одеська область

м. Одеса

Магазин «Літера»
ТЦ «Афіна»
пл. Грецька, 3/4
«КС»
вул. Черняхівського, 1А (048)78-57-240
«КС» «Будинок книги та медіа»
вул. Люстдорфський шлях, 140 В (048)785-67-07
«КС» «Будинок книги та медіа»
вул. Буніна, 33 (0482)32-17-97
«КС»
вул. Новосельського, 60 (048)728-81-33
«КС»

вул. Преображенська, 4 (048)711-61-27

«КС» «Дім книги»,

вул. Дерibasівська, 27; (048) 722-47-99

Магазин «Емпік»

вул. Дерibasівська, 14 (0482)35-84-04(05)

Магазин «Книжкова казка»

вул. Академіка Глушко, 16 (048)249-47-56

Магазин «Горизонт»

Люстдорфська дорога, 54 (048)766-82-65

«КС»

вул. Дерibasівська, 18 (048) 743-02-10

Супермаркет «Епицентр»

99, Таирово

м. Іллічівський

ТЦ «Іллічівський» (Юнга)

вул. Леніна, 35

«КС»

вул. Леніна, 16 (04868)40-5-95

Магазин «Книгарня»

Центральний універмаг

вул. Леніна, 19 (04868)6-25-80

Полтавська область**м. Полтава**

Супермаркет «Велика кишеня»

вул. Ковпака, 26

Магазин «Емпік»

вул. Ковпака, 26 (053)261-56-68

«КС» «Будинок книги та медіа»

вул. Шевченка, 29 (0532)61-26-76

«КС» «Будинок книги та медіа»

ТЦ «Київ»

вул. Зенківська, 6/1а (0532)51-12-90

Супермаркет «Епицентр»

Київське шосе, 41

м. Кременчук

Супермаркет «Простір»

пр. 50-річчя Жовтня, 96

Супермаркет «Амстор»

вул. Халаменюка, 7

Рівненська область**м. Рівне**

Магазин «Буква-ТОР»

пр. Миру, 16 (0362)620-465

Магазин «Знання»

майdan Незалежності, 5

м. Острог

Магазин «Острог»
вул. Незалежності, 20/3 (036)543-03-41

м. Севастополь

Супермаркет «Атриум»
ТЦ «Муссон», 2 этаж
ул. Вакуленчука, 29
Магазин «Солнечный»
Пр. Генерала Острякова, 80 (062) 473183

Сумська область**м. Суми**

Магазин «Книголюб»
пл. Петропавлівська, 50
Магазин «Емпік»
вул. Кірова, 8 (0542)77-03-47

Тернопільська область**м. Тернопіль**

Супермаркет «Сільпо»
вул. Текстильна, 28А
Супермаркет «Сільпо»
вул. Живова, 15а
Магазин «Ярослав Мудрий»
вул. Руська, 19 (0352)52-45-06
Магазин «Підручники і посібники»
вул. Грушевського, 23 (0352)25-86-00
Мережа магазинів «Дім книги»
вул. Танцорова, 11 8-0352-25-37-62
вул. Злуки, 37 8-0352-51-06-65
вул. І. Сліпого, 1 8-0352-43-03-71
вул. Коперніка, 19 8-0352-43-01-39
Книжкова гуртія
вул. Подільська, 44 8-0352-43-42-72
Мережа магазинів «Книжкова хата»
ТЦ Подольки, 1 пов.
вул. Чорновола, 14 0352-522433
вул. Текстильна, 28 ч 0352-477909
Магазин «Книгарня Є»
вул. Валова, 7-9 (0352) 25-44-59

Закарпатська область**м. Ужгород**

Супермаркет «Епицентр»
вул. Бабьяка 7/1
Бовт «Файні книги»
площ. Шандора Петефї, 47

Херсонська область**м. Херсон**

«КС»
вул. Комунарів, 21
Магазин «Емпік»
вул. Суворова, 22 (0552)22-60-47
Магазин «Букініст»
вул. Суворова, 8 (0552)392-570

Хмельницька область**м. Хмельницький**

«КС»
вул. Подільська, 25 (0382) 65-60-73
Магазин «Ерудит»
вул. Кам'янецька, 63 (0382)700-31-5
Магазин «Книжка»
ул. Проскурівская, 62 (0382)702165
Магазин «Дім книги»
вул. Грушевського, 50 8-0382-704-004
Супермаркет «Епицентр»
ул. Заречанская, 11/4

Супермаркет «Сільпо»
ул. Маршала Рыбалко, 2-а

Черкаська область**м. Черкаси**

Магазин «Метро-книга»
вул. 30-річчя Перемоги, 50
Магазин «Будинок Книги»
вул. Хрещатик, 200
Магазин «Світоч»
вул. Байди Вишневецького, 38
Супермаркет «Епицентр»
ул. 30 лет Победы, 29

Чернігівська область**м. Чернігів**

Культурно-мистецький центр «Інтермеццо»
вул. Шевченка, 9 (0462)97-36-28,
(0462)97-36-29
КП «Будинок книги»
пр. Мира 45
«КС»
пр. Миру, 19 (0462) 67-51-72

м. Ніжин

Магазин «Масква»
вул. Воздвиженська, 4/1 (0463)12-01-04
Магазин «Освіта»
пр. Леніна, 2

м. Чернівеці

Магазин «Наука»
вул. Заньковецької, 4 (0372)52-59-35
«КС» «Будинок книги та медіа»
пр. Незалежності, 90 (03722) 3-42-70
«КС» «Будинок книги та медіа»
пл. Соборна, 1 (0372) 52-00-19
Магазин «Українська книга»
пл. Центральна, 10 (0372) 58-55-58
Магазин «Лучаферул»
вул. О. Кобилянської, 39
Магазин «Здоров'я»
вул. О. Кобилянської, 25 (0372)522-444
Магазин «Букініст»
вул. Головна, 31 (0372)526-463
Магазин «Художня книга»
вул. О. Кобилянської, 37 (0372)526-005
Книжкова мережа «Книги»
вул. Кафедральна, 2,
корп. № 14 ЧНУ
(Чернівецький нац. ун-т)
вул. Університетська, 19,
корп. № 2 ЧНУ
вул. Коцюбинського, 2
корп. № 5 ЧНУ
вул. Л. Українки, 23,
бібліотека ЧНУ

Інтернет-магазини

www.petrovka.com.ua
(044) 3511052
Актуальний український
інтернет-магазин
www.nashformat.ua
(044)273-29-17
www.yakaboo.ua
(044) 5377237

Послесловие к ненаписанной автобиографии на двоих — так определил жанр своей новой книги известный детский писатель Вадим Левин.

Посвящая ее памяти Ренаты Мухи, своего многолетнего (познакомились почти полвека назад!) соавтора и друга, автор легко и весело (как этого хотела бы сама Рената, уверен Левин) вспоминает эту удивительную женщину, всегда самобытную, праздничную и непредсказуемую.

Талантливый поэт, педагог от Бога, блистательная рассказчица-импровизатор («выступательница» по меткому определению Игоря Губермана), внимательная и остроумная собеседница — такой знали ее друзья, такой предстает она и перед читателями. Вадим Левин щедро наполняет свою книгу стихами-миниатюрами и устными рассказами Ренаты, пишет об истории их создания, обо всем том, что будет интересно ее друзьям и почитателям таланта.

ISBN 978-966-03-5806-5

9 789660 358065